

DIGITALES ARCHIV

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft
ZBW – Leibniz Information Centre for Economics

Kapeljušnikov, R. I.

Book

Maržinalizm i marksizm: pervaja vstreča

Provided in Cooperation with:

National Research University, Moscow

Reference: Kapeljušnikov, R. I. (2021). Maržinalizm i marksizm: pervaja vstreča. Moskva : Izd. dom Vysšej školy ekonomiki.

https://www.hse.ru/data/2021/01/04/1344990161/WP3_2021_01_____.pdf.

This Version is available at:

<http://hdl.handle.net/11159/5001>

Kontakt/Contact

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft/Leibniz Information Centre for Economics
Düsternbrooker Weg 120
24105 Kiel (Germany)
E-Mail: [rights\[at\]zbw.eu](mailto:rights[at]zbw.eu)
<https://www.zbw.eu/>

Standard-Nutzungsbedingungen:

Dieses Dokument darf zu eigenen wissenschaftlichen Zwecken und zum Privatgebrauch gespeichert und kopiert werden. Sie dürfen dieses Dokument nicht für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, aufführen, vertreiben oder anderweitig nutzen. Sofern für das Dokument eine Open-Content-Lizenz verwendet wurde, so gelten abweichend von diesen Nutzungsbedingungen die in der Lizenz gewährten Nutzungsrechte.

<https://savearchive.zbw.eu/termsfuse>

Terms of use:

This document may be saved and copied for your personal and scholarly purposes. You are not to copy it for public or commercial purposes, to exhibit the document in public, to perform, distribute or otherwise use the document in public. If the document is made available under a Creative Commons Licence you may exercise further usage rights as specified in the licence.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**МАРЖИНАЛИЗМ И МАРКСИЗМ:
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА**

Препринт WP3/2021/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2021

УДК 330.8
ББК 65.02
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.

К20 Маржинализм и марксизм: первая встреча [Текст] : препринт WP3/2021/01 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 52 с. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 55 экз.

Работа посвящена важному эпизоду из истории экономической мысли XIX века — первой встрече маржинализма и марксизма. Она произошла в 1884 году, когда Филипп Уикстид (1844—1927) опубликовал в журнале «научного» социализма «To-Day» небольшой двадцатистраничный текст под лаконичным названием «“Das Kapital”: a Criticism». В работе кратко прослеживается творческий путь Уикстида; рассматриваются причины, подтолкнувшие его к выступлению против марксизма; анализируются основные положения его критики; описывается реакция на нее со стороны современников (как профессиональных экономистов, так и приверженцев социализма), а также оценивается ее место в истории идей. Отмечается, что текст Уикстида — это не только первая встреча маржинализма с марксизмом, но также и первое популярное изложение совсем новой для того времени теории предельной полезности (в версии С. Джевонса). Его критика носила радикальный характер, так как была нацелена не на обнаружение каких-то частных изъянов, а на полное обрушение марксистской конструкции с заменой ее альтернативной теоретической схемой. Выводы, к которым приходит Уикстид, однозначны: 1) марксистская теория неспособна дать удовлетворительное объяснение феномена относительных цен; 2) ее трактовка ценности рабочей силы непоследовательна и внутренне противоречива; 3) ее идея «прибавочной ценности» лишена научной основы. Поразительно, но ни один из сторонников Маркса так и не решился принять вызов Уикстида, и его критика никогда не была им публично оспорена. Исторические круги, разошедшиеся от этого, на первый взгляд, малозаметного события, оказались беспрецедентно широкими. Под влиянием Уикстида фабианцы отвергли трудовую теорию ценности, и британский социализм (в основной его части) навсегда перестал быть марксистским. В более широкой перспективе его критика стала одним из идейных истоков для появления «ревизионизма» — движения внутри марксизма, отказавшегося от наиболее фундаментальных экономических идей К. Маркса.

УДК 330.8
ББК 65.02

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Капелюшников Р. И., 2021
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2021

В настоящей работе речь пойдет об одном полузабытом эпизоде из истории экономической мысли конца XIX века — о первой встрече маржинализма и марксизма или, говоря армейским языком, об их самом раннем «боестолкновении» в области экономической теории. Сегодня даже среди историков экономической науки немногие имеют представление об этом уникальном событии и о том, к каким неожиданным результатам оно привело.

Первая атака сторонников теории предельной полезности на марксистские концепции трудовой ценности и прибавочной ценности примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, по времени, когда она была предпринята: через семнадцать лет после публикации первого тома «Капитала» К. Маркса (1867) и через тринадцать лет после публикации «Теории политической экономии» С.У. Джевонса (1871). Во-вторых, по месту, где состоялась дискуссия: на страницах журнала «То-Дей», официального органа первой марксистской политической партии Великобритании — Социал-демократической федерации во главе с самым влиятельным британским социалистом-марксистом того времени Г. Гайндманом. В-третьих, по личности автора, отважившегося бросить вызов марксистской доктрине: хотя на момент публикации ему исполнилось уже сорок лет, он не был профессиональным экономистом и статья об экономической системе Маркса стала его первым экскурсом в область чистой экономической теории. Наконец, по произведенному эффекту: по единодушному мнению как современников, так и позднейших комментаторов, будь то марксисты или их оппоненты, эта самая ранняя критическая атака на марксизм оказалась поразительно успешной и имела огромные практические следствия.

«Единственный подлинный последователь Джевонса»

Автором небольшого двадцатистраничного текста под лаконичным названием «“Das Kapital”: a Criticism», увидевшего свет в октябрьском номере «То-Дей» за 1884 год, был Филипп Генри Уикстид (1844—1927), на тот момент священнослужитель одной из унитарии-

анских церквей Лондона [Wicksteed, 1884]¹. Уикстид родился в Лидсе в семье унитариянского священника и, получив теологическое образование, пошел по стопам отца. В течение двух десятилетий он служил в различных унитариянских церквях Лондона, но когда почувствовал, что его взгляды становятся все менее и менее ортодоксальными, подал в отставку и с тех пор зарабатывал на жизнь только преподаванием и литературным трудом. Как приверженцу унитариянства, ему был закрыт доступ в университеты Оксфорда и Кембриджа, так что он никогда не имел профессорского звания и вся его преподавательская деятельность протекала вне «Оксбриджа» — в различных менее элитных и более молодых учебных заведениях тогдашней Великобритании (по преимуществу колледжей для взрослых).

Филипп Уикстид был человеком поистине энциклопедических познаний, с фантастически широкими интеллектуальными интересами и поразительной работоспособностью. После него осталось несколько томов проповедей, с которыми он выступал перед прихожанами церквей, где проходила его служба; он считался крупнейшим британским дантоведом своего времени и перевел на английский язык практически все тексты Данте, включая «Божественную комедию»²; он был автором нескольких фундаментальных работ об Аристотеле и Фоме Аквинском, включая переводы и комментирование их трудов, а также исследователем творчества Браунинга, Водсворта и Ибсена. Кроме того, он всю жизнь не переставал писать и публиковать публицистические статьи по наиболее острым политическим и социальным вопросам современности. Его интеллектуальная энергия была неиссякаемой: за два дня до кончины он диктовал перевод одного из текстов Аристотеля...

Как уже упоминалось, к профессиональным занятиям экономикой Уикстид обратился очень поздно — в сорок лет, после того как познакомился с «Теорией политической экономии» Джемсона, став-

¹ В том же 1884 году вышел первый том «Капитала и процента» О. Бём-Баверка, где одна из глав была посвящена развернутой критике теорий эксплуатации К. Родбертуса и К. Маркса [Бём-Баверк, 2009]. Поэтому в очерке Уикстиды, наверное, правильнее видеть первую встречу маржинализма и марксизма в *англоязычной* экономической литературе.

² Бернард Шоу как-то сказал про Уикстиды, с которым его связывали тесные дружеские отношения на протяжении долгих лет и которого он считал своим учителем в области экономической теории, что «экономика была его хобби, а Данте его профессией».

шей для него настоящим открытием. По оценке Т. Хатчисона, Уикстида следует считать «единственным подлинным последователем Джевонса» [Hutchison, 1953]. Дело в том, что большинство британских экономистов того времени (Дж. Кэрнс, А. Маршалл и многие другие) относились к Джевонсу с неприязнью или даже с неприкрытой враждебностью, что по большей части объяснялось «неканоничностью» его взглядов.

Во-первых, Джевонс резко негативно относился к рикардианству, тогда как для тех, кто следовал за Маршаллом, Рикардо оставался непоколебимым научным авторитетом и более того — в нем они были склонны усматривать одного из первопроходцев предельного анализа (имеется в виду рикардианская теория ренты). Во-вторых, если в глазах Джевонса теория предельной полезности была настоящей научной революцией, предполагавшей полный и окончательный разрыв с наследием классической школы, то большинство его современников в Великобритании воспринимали маржинализм скорее как закономерный результат постепенного эволюционного процесса, у истоков которого стояли экономисты-классики. (В данном пункте позиция Уикстида полностью совпадала с позициями Джевонса и экономистов австрийской школы: как и они, он был убежден, что прежняя экономическая наука нуждается в радикальной реконструкции, выступая не как ревизионист, а как революционер³.) В-третьих, если Джевонс при определении цен отводил ключевую роль спросу (полезности товаров), то Маршалл и его сторонники полагали, что спрос и предложение (полезность товаров и издержки их производства) одинаково важны, так как оба являются независимыми факторами, регулирующими цены («маршаллианский крест», или «мар-

³ «С точки зрения последовательного джевонсианца школу экономистов, признанным лидером которой является профессор Маршалл, можно рассматривать как школу апологетов. Маршалл принимает <...> джевонсовские принципы, но заявляет, что они отнюдь не революционны, а всего лишь дополняют, проясняют и углубляют теории, на ниспровержение которых они претендуют. Согласно сторонникам этой школы, введение в экономическую науку обновленного анализа потребления по сути ничего не поменяло в анализе производства. В качестве фактора, определяющего нормальные цены, издержки производства действуют на равных с графиком спроса» [Wicksteed, 1905, 436]. По словам Дж. Стиглера, Уикстид был одним «из всего лишь двух британских экономистов в период между 1870 годом и Первой мировой войной, которые открыто отвергали классическую традицию» [Stigler, 1941, 38–39].

шаллианские ножницы»). По образному выражению одного историка экономической мысли, в своих «Принципах экономической науки», которые на протяжении многих десятилетий служили базовым учебником по экономике, Маршалл «распял» Джевонса на кресте из кривых спроса и предложения [Flatau, 2004].

Едва ли удивительно, что в силу всех этих причин — как институциональных, так и концептуальных — Уикстид как единственный последовательный джевонсианец, несмотря на свой высокий авторитет, всегда оставался на периферии британской (в отличие от континентальной!) экономической науки конца XIX — начала XX веков. По выражению Й. Шумпетера, он всю жизнь «находился несколько в стороне от экономической профессии» [Schumpeter, 1954]. В этом смысле показательно, что в своей последней большой теоретической статье, опубликованной в «Economic Journal» в 1914 году, Уикстид счел необходимым бросить вызов монополии маршаллианской ортодоксии: в этой работе он выдвинул идею обобщенной (total) кривой спроса, откуда следовало, что никакой независимой кривой предложения не существует и что она представляет собой не более чем перевернутую кривую спроса, так что в конечном счете единственным независимым фактором, под влиянием которого формируются цены, является предельная полезность соответствующих благ [Wicksteed, 1914].

Перу Уикстида-экономиста принадлежат три крупных работы и несколько десятков статей по экономической теории. Его первая книга — «Азбука экономической науки» — была задумана и написана как популярное изложение базовых идей теории предельной полезности с тем, чтобы сделать их доступными для широкой публики [Wicksteed, 1888]. В понимании самого Уикстида это было не оригинальное произведение, а что-то вроде развернутого комментария к идеям Джевонса⁴. В «Азбуке экономической науки» Уикстид первым среди англоязычных экономистов вместо неуклюжего джевонсовского выражения «конечная степень полезности» (final degree of utility) начал использовать выражение «предельная полезность» (marginal utility), после чего оно стало общеупотребительным. (Остается неизвестным,

⁴ Чтобы читатель мог лучше улавливать ход рассуждений Джевонса, первую часть «Азбуки экономической науки» Уикстид сделал чисто математической, представив в ней нечто вроде краткого курса по дифференциальному исчислению [Wicksteed, 1888].

было ли это переводом с немецкого языка термина *Grenznutzen*, введенного ранее Ф. Визером, или же языковой новацией самого Уикстида.) В «Азбуке» Уикстид начал также первым использовать при объяснении сложных теоретических идей условные числовые примеры, чего до него не делал никто. (Скажем, Джевонс в «Теории политической экономии» оперировал исключительно алгебраическими формулами). С легкой руки Уикстида этот педагогический прием сделался непременным атрибутом всех последующих учебников по экономике.

Следующей крупной работой Уикстида — на этот раз полностью оригинальной — стал его знаменитый «Очерк о координации законов распределения» [Wicksteed, 1894]. В конце XIX века исследовательские интересы экономистов начали постепенно смещаться от проблем образования цен на товары к проблемам образования цен на факторы производства. Уикстид стал одним из пионеров и главных проводников подобной переориентации, заложив в своем «Очерке» фундамент теории предельной производительности. Приоритет на создание теории предельной производительности он разделяет с К. Викаллем и Дж. Б. Кларком, которые параллельно с ним и независимо от него также обратились к анализу проблемы распределения.

В конце XIX века в экономической науке наблюдалась острая конкуренция между различными «частичными» теориями распределения, в рамках которых оплата части производственных факторов выводилась из тех или иных общетеоретических принципов, но какому-то одному отводилась роль получателя «остаточного» дохода, то есть дохода, остающегося после вычета из ценности продукта вознаграждений всех прочих факторов. Разными авторами в зависимости от их теоретических предпочтений на роль остаточного дохода предлагались и рента, и заработная плата, и предпринимательская прибыль. Но все подобные концепции страдали двумя фундаментальными пороками. Во-первых, механизм формирования доходов оказывался не единым для всех факторов, но для каждого из них предусматривался свой собственный. Во-вторых, для фактора, которому вменялся остаточный доход, теоретического объяснения вообще не предлагалось.

Теория предельной производительности, разработанная маржиналистами второго поколения, успешно преодолевала эти ограниче-

ния. В рамках унифицированной теоретической схемы вознаграждение каждого фактора определялось как произведение ценности его предельного продукта на его количество. Важнейший шаг, который удалось сделать Уикстиду в его «Очерке», заключался в том, что он поставил и смог решить (во всяком случае, так ему казалось) так называемую проблему исчерпания ценности продукта, показав, что если все факторы оплачиваются в соответствии с ценностью их предельных продуктов, то на долю остаточного дохода не останется ровным счетом ничего: сумма вознаграждений факторов полностью исчерпает ценность продукта. Сразу же после публикации «Очерка» на Уикстида обрушился шквал критики со стороны виднейших экономистов того времени: его математическое доказательство было признано неудовлетворительным, а формулировка условий, при которых достигается исчерпание ценности продукта, ошибочной. Это заставило его усомниться в полученном результате и в своих последующих работах он от него как бы «полуотказался». Однако позднейший более строгий анализ показал, что в конечном счете прав был все-таки Уикстид, а не его критики [Robinson, 1934]. (Любопытная техническая деталь: используя аппарат производственных функций, мы до сих пор чаще всего оперируем обозначениями, которые были впервые введены им.)

Opus magnum Уикстида — «Здравый смысл политической экономии» — представляет собой обширный теоретический трактат, который изначально задумывался как противовес «Принципам» Маршалла, то есть как попытка воссоздать все здание экономической науки на альтернативном (немаршаллианском) теоретическом фундаменте [Wicksteed, 1910]. Отсюда гигантский охват обсуждаемых проблем: от философских и методологических основ экономического анализа до его прикладных и даже политических аспектов. По словам Л. Роббинса, «это <...> наиболее исчерпывающее нематематизированное изложение технических и философских нюансов так называемой маржиналистской теории чистой экономики, которое когда-либо появлялось на любом из существующих языков» [Robbins, 1970, 198].

Общая теоретическая рамка, представленная в «Здравом смысле политической экономии», чрезвычайно близка к подходу австрийской школы, так что Уикстида нередко называют «британским австрийцем» — и это при том, что каких-либо свидетельств прямого

влияния австрийцев на него или его на них не существует [Kirzner, 1999]. Между ними не было практически никаких личных контактов, а встречающиеся у них взаимные ссылки на работы друг друга крайне немногочисленны. Все указывает на то, что Уикстид и австрийцы независимо пришли к сходному пониманию природы экономической реальности, методов ее изучения и вытекающих из этого задач, стоящих перед экономической наукой.

Во-первых, как и австрийцы, Уикстид рассматривал издержки производства в последовательно субъективистском ключе. Отсюда — центральное место, которое занимает в его теоретических построениях категория альтернативных издержек (opportunity costs), и отсюда же его ожесточенная критика маршаллианской трактовки издержек как *реальных* затрат факторов. Уикстид отказывался верить, что потребительская деятельность людей регулируется соображениями предельной полезности, тогда как производственная какими-то чисто техническими факторами.

Во-вторых, подобно австрийцам, Уикстид отвергал узкий взгляд, идущий от экономистов-классиков, согласно которому предметом изучения экономической науки является исключительно сфера материальных благ, где действуют эгоистичные *Homo oeconomicus*'ы, движимые стремлением к накоплению все большего богатства. Он был убежден, что законы, выявляемые экономической теорией, имеют универсальное значение и приложимы к любым формам человеческого поведения во всех сферах: «Мы привычно произносим, что кто-то получил нечто “ценой чести”; или говорим кому-то, кто размышляет о поступке, способном оттолкнуть от него друзей: “О да! Конечно, вы можете поступить так, если готовы заплатить подобную цену”. Одним словом, “цена” в узком смысле как “деньги, за которые можно приобрести какую-то материальную вещь, услугу или привилегию” есть лишь частный случай “цены” в широком смысле как “условий, на которых нам предлагаются альтернативы»» [Wicksteed, 1910, 28]. При таком понимании в сферу экономического анализа попадает любое человеческое поведение независимо от того, какие мотивы его направляют — эгоистические, альтруистические или какие-либо еще: «Предложение исключить из рассмотрения при изучении экономики “благожелательные” или “альтруистические” мотивы абсолютно бессмысленно и не заслуживает того, чтобы тратить на него время» [Ibid., 179]. Согласно Уикстиду, экономическую на-

уку интересует не определенный *тип*, а определенный *аспект* человеческого поведения, где бы оно ни протекало.

Наконец, и австрийцами и Уикстидом конкуренция понималась не как статическое состояние, а как динамический процесс. По наблюдению Роббинса, «экономические феномены гораздо больше интересовали его в качестве процессов, протекающих во времени, чем в качестве конечных состояний в некий данный момент» [Robbins, 1970, 206].

Ф. Хайек полагал, что если бы английские экономисты приняли за основу научную программу не Маршалла, а Уикстида, то тогда развитие не только британской, но и мировой экономической науки могло бы пойти по совершенно иному пути [Хайек, 1992, 171].

Предыстория

Решение вплотную заняться изучением «науки Экономика» пришло к Уикстиду в самом начале 1880-х годов. Непосредственным толчком к этому послужило случайное событие. Один из делегатов международного конгресса унитариянских церквей, в котором участвовал также Уикстид, подарил ему экземпляр недавно вышедшей книги Генри Джорджа «Прогресс и бедность» [George, 1879]. Уикстид прочитал ее в поезде, возвращаясь из Глазго в Лондон, и она, по его собственным словам, «воспламенила мой мозг». Знакомство с идеями Джорджа произвело в нем духовный переворот, сродни религиозному обращению. Книга Джорджа дала ему надежду на решение главного вопроса современности — социального, но одновременно поставила перед дилеммой: «Если она истинна, то в Британии будет революция; если она ошибочна, то на нее необходимо найти ответ» [Steedman, 1989, 118].

Уикстид становится ярым джорджистом: вступает с Джорджем в переписку; пропагандирует в многочисленных журнальных статьях его предложения по социализации земельной собственности путем установления на нее «единого налога»; активно защищает его идеи в прессе и публичных выступлениях; участвует в сборе средств на организацию лекционных туров Джорджа по Англии; наконец, создает вместе с несколькими единомышленниками Союз за земельную реформу (1883), призванную воплотить джорджистскую программу в жизнь.

Как можно справиться с проблемой бедности, чреватой социальным взрывом? Рецепт Джорджа был прост: социализация всей земли без какой-либо компенсации ее нынешним владельцам. Достичь этой цели он предлагал не через национализацию земли, а через установление «единого налога» на землю, что позволило бы полностью отказаться от налогов на любые другие виды имущества или доходов [George, 1879]. Ренту Джордж рассматривал как незаработанный доход, на получение которого у землевладельцев нет никаких прав, и утверждал, что именно ее непрерывное возрастание постепенно «поедает» как заработную плату работников, так и прибыль предпринимателей: именно из-за этого с течением времени и та и другая становятся все меньше. Более того, спекуляция землей, по его мысли, есть главная причина периодически повторяющихся экономических депрессий, обрекающих миллионы людей на голод и нищету. Как уже отмечалось, после знакомства с книгой Джорджа Уикстид стал активным сторонником и пропагандистом его идей, но, правда, в более мягком варианте, выступая за постепенный выкуп государством земли у ее нынешних собственников за счет поступлений, во-первых, от земельного и, во-вторых, от подоходного налога. (Он считал, что было бы несправедливо возлагать экономические издержки, связанные с социализацией/национализацией земли, исключительно на ее владельцев: их должно нести все общество.) С идеей национализации земли Уикстид не расставался до конца жизни и продолжал ее поддерживать, даже став маргиналистом, хотя и перестал активно выступать в ее защиту⁵.

Однако теоретическая сторона дела волновала Уикстида не меньше, а возможно, даже больше, чем практическая. В системе Джорджа он увидел выход из концептуального тупика, в котором, по его мнению, безнадежно застряла ортодоксальная (классическая) политическая экономия: «В течение многих лет, — писал он в одном из писем Джорджу, — я при первой же возможности старался изучать политическую экономию и уже давно пришел к твердому убеждению, что в основании этой науки лежит какое-то глубокое заблуждение (или заблуждения), что особенно видно по ее полной неспособности

⁵ «Он всегда оставался лояльным центральной идее “Прогресса и бедности”. Национализация земли, достигаемая постепенно с помощью налогообложения <...> оставалась убеждением Филиппа Уикстида до конца его жизни» [Barker, 1955, 382].

объяснять не только причины, но и природу коммерческих депрессий. Я не упускал ни малейшего случая, чтобы поделиться своими соображениями с друзьями, хорошо разбирающимися в этой науке, но я так и не смог получить от них удовлетворительного ответа. [Ваша книга] даровала мне свет, который я тщетно для себя искал <...> [и] “увидел я новое небо и новую землю”⁶» [Dorfman, 1949, 147–148].

Ортодоксальная политическая экономия представлялась Уикстиду «хаотичной и внутренне противоречивой». Особенно его удручала ее неспособность дать ответ на жизненно важный вопрос, «где же в промышленной системе *кроется та болезнь*, которая истощает силы трудящихся масс, пока немногие счастливицы становятся все богаче и богаче» [Wicksteed, 1882]. Он отказывался возлагать вину за бедность на самих бедняков, отвергая важнейшие элементы классической доктрины — такие как мальтузианская теория народонаселения и теория рабочего фонда (*wage fund*). По его наблюдениям, рост населения сопровождается обычно не замедлением, а наоборот, ускорением роста богатства. В качестве доказательства от обратного он ссылался на опыт Ирландии, откуда на протяжении многих лет шла массовая эмиграция, но где сокращение численности населения только усугубляло проблему бедности [Ibid.].

Уикстиду было хорошо известно о критическом отношении большинства профессиональных экономистов к Джорджу, но его озадачивало отсутствие с их стороны какой-либо публичной реакции: «Если экономическая теория этой книги [«Прогресса и бедности»] — писал он в одной из статей, — неправильна, то я поистине не могу представить себе более важную задачу или более настоятельную обязанность, лежащую на экономистах, чем демонстрация ее ошибок» [цит. по: White, 2018, 1117].

Допуская, что, возможно, все дело в ограниченности его знаний по экономическим вопросам, он обратился к своему другу, кембриджскому экономисту, ученику Маршалла Г. Фоксвеллу (1849–1936), с просьбой порекомендовать ему какие-либо работы современных авторов. Фоксвелл выполнил его просьбу, и результаты знакомства с ними оказались совершенно неожиданными: Уикстид «был удивлен, насколько далеко современные экономисты ушли от диктатуры [Дж. Ст.] Милля» [цит. по: White, 2018, 1117]. Ему стало ясно, что ре-

⁶ Уикстид цитирует Откровение Иоанна Богослова, 21:1.

альным оппонентом экономической системы Джорджа следует считать не ортодоксальную «миллевскую» политическую экономию, а новую маржиналистскую теорию: «Все, кто хотел бы внести реальный вклад в дискуссию по поводу “Прогресса и бедности”, должны начинать с осознания того факта, о котором, должен признаться, я не имел ни малейшего представления всего девять месяцев назад, что за последние десять-пятнадцать лет в науке Экономика, причем вне какой-либо связи с г-ном Генри Джорджем, произошла революция, которая сделала более чем бесполезным очередное повторение позиций старой школы (даже если в переформулированном виде они обретут корректность и адекватность, что в данном случае далеко не факт) без отсылок к этим новейшим исследованиям» [Wicksteed, 1883, 390].

Из новых книг по экономике, прочитанных Уикстидом по рекомендации Фоксвелла, сильнейшее впечатление произвела на него «Теория политической экономии» Джевонса, перевернувшая его представления не просто об экономике, но шире — об общих принципах устройства человеческих сообществ. Дотошное и скрупулезное изучение этой книги, по сути, и сделало Уикстиду профессиональным экономистом. Чтобы вникнуть в тонкости маржиналистского анализа, он начинает брать уроки высшей математики, консультироваться со знакомыми экономистами и выступать в различных аудиториях с сообщениями о теории Джевонса. Роббинс, к которому попал уикстидовский экземпляр «Теории политической экономии» (второе издание), отмечал, что «пометки на полях почти каждой страницы показывают, как глубоко и широко он размышлял над этими идеями» [Robbins, 1970, 191]. В результате предпринятого интеллектуального штурма Уикстид в кратчайший срок сумел превратиться в экономиста-теоретика, виртуозно владеющего маржиналистским аналитическим аппаратом.

Когда в 1883 году к Уикстиду обратилась группа студентов с просьбой стать руководителем читательского кружка по изучению «Прогресса и бедности» Джорджа, Уикстид ответил согласием, но с оговоркой, что начнут они с разбора «Теории политической экономии» Джевонса. Вскоре о книге Джорджа было забыто и почти единственным предметом обсуждения на встречах группы сделалась теория предельной полезности. За короткое время Экономический кружок, как его стали называть, завоевал признание как среди профессио-

нальных экономистов, так и среди образованной публики, интересовавшейся экономическими вопросами: его постоянными участниками помимо Уикстида были Ф. Эджуорт, Г. Фоксвелл, У. Каннингем, Б. Шоу, С. Уэбб и многие другие; иногда заседания кружка посещал также А. Маршалл. Для большей солидности кружок был вскоре переименован в Экономический клуб, а еще через несколько лет он послужил организационной площадкой при создании Британской экономической ассоциации (позднее — Королевского экономического общества) (1890) [Howey, 1960, 129].

В конце XIX века конкуренцию идеям Генри Джорджа в борьбе за умы левой британской интеллигенции составляли идеи Карла Маркса. Главным популяризатором и пропагандистом марксизма в Великобритании выступал Г. Гайндман (1842—1921), находившийся в тесных, хотя и достаточно сложных личных отношениях с Марксом и Энгельсом. Гайндман стал создателем первой в Великобритании социалистической политической партии — Демократической федерации (переименованной в 1884 году в Социал-демократическую федерацию), программа которой строилась на чисто марксистской платформе. Одним из официальных органов партии являлся журнал «To-Day», где печатались статьи крупнейших социалистов-теоретиков того времени: не только самого Гайндмана, но также дочери Маркса Э. Маркс, Э. Эвелинга, У. Морриса, П. Лафарга и многих других. Журнал имел характерный подзаголовок — «Месячный журнал научного социализма». Марксизм был тогда на подъеме, и подавляющее большинство британских социалистов причисляли себя к последователям Маркса, не имея ни малейших сомнений в истинности его учения.

В эту цитадель «научного социализма» Уикстид и отправил свою критическую статью, где марксистским концепциям трудовой ценности и прибавочной ценности противопоставлялась теория предельной полезности. Редакция «To-Day» увидела в этом подходящий повод для развертывания широкой публичной дискуссии вокруг марксистских идей и обратилась к Энгельсу с вопросом, не захочет ли он принять в ней участие. Ответ Энгельса был вполне предсказуем: «“To-Day” под руководством Гайндмана, — писал он Э. Бернштейну, — ухудшается с каждым днем. Чтобы придать ему интерес, они принимают все что угодно. Один из редакторов прислал мне письмо, где сообщил, что октябрьский номер будет содержать критику «Капита-

ла»!, и предложил мне ответить на нее, от чего я с благодарностью отказался. Итак социалистический орган превратился в орган, в котором доводы “за” и “против” социализма обсуждают всякие Тома, Дики и Гарри» [Энгельс, 1964, 179, с изменениями]. После появления статьи Уикстида Энгельс также посчитал излишним с ней знакомиться, но даже если бы он ее прочитал, то крайне маловероятно, чтобы его могла заинтересовать аргументация какого-то там «вульгарного» экономиста, тем более — «попа».

«“Das Kapital”: a Criticism»

Как позднее вспоминал Уикстид, к мысли написать критический очерк о Марксе он пришел полностью самостоятельно, без каких-либо просьб и подсказок со стороны друзей или прямого заказа от редакции журнала. К этому, как он поясняет в самом начале статьи, его подтолкнула зачарованность идеями марксизма огромного числа его современников: «Я давно хотел представить перед последователями Карла Маркса некоторые теоретические возражения против наиболее абстрактных частей “Das Kapital”, которые возникли у меня при первом же прочтении этого великого труда и которые его тщательное повторное изучение так и не смогло развеять» [Wicksteed, 1884, 388]. Он замечает далее, что был бы крайне признателен сторонникам Маркса, если бы кто-нибудь из них счел его возражения достойными того, чтобы на них ответить, хотя он и не питает особых иллюзий по поводу своей способности «поколебать чьи-либо продуманные и глубоко укоренившиеся убеждения» [Ibid., 388].

Известный историк-марксист Э. Хоббсбаум характеризует критику Уикстида как «уважительную и вежливую» [Hobsbawm, 1957, 37]. В самом деле, Уикстид именует Маркса «великим социалистическим мыслителем»; называет «Капитал» «великим трудом», а также произведением, необычайно «глубоким и сложным для понимания»; отмечает, что заключительные главы этой книги, посвященные накоплению капитала, экономическим циклам и формированию резервной армии безработных, «заслуживают самого пристального внимания» [Wicksteed, 1884, 388, 390].

Когда Уикстид только приступал к работе над своим очерком, полного перевода первого тома «Капитала» на английский язык еще не

существовало, и он цитировал его по второму немецкому изданию, параллельно давая ссылки на соответствующие места из уже появившегося французского перевода. Понятно также, что Уикстиду мог быть известен только первый том «Капитала» (второй был опубликован в 1885 году, третий в 1890 году)⁷. В своих комментариях он учитывал это обстоятельство. Но допуская, что ответы на какие-то из его критических замечаний, возможно, содержатся в неопубликованных пока частях исследования Маркса, он все же считал себя вправе представить свои соображения на суд публики прямо сейчас, не дожидаясь выхода в свет остальных частей — тем более что первый том, как он подчеркивал, производит впечатление «полного и законченного» произведения [Wicksteed, 1884, 394].

Уикстид начинает с краткого путеводителя по необъятному сочинению Маркса, который известный британский экономист Я. Стийдман определил как «ясный, адекватный и доброжелательный» [Steedman, 1989, 123]. По мнению Уикстида, в схематическом виде основное содержание марксистской теории может быть сведено к трем ключевым тезисам:

«1. (Меновая) ценность любого товара определяется количеством труда, необходимым в среднем для его производства.

2. Существует столь высокая степень соответствия между ценностью товара и его средней продажной ценой, что для целей теоретического анализа нам следует предположить, что в номинальном выражении товары покупаются и продаются по их ценности.

3. Рабочая сила (в наших индустриальных обществах) является товаром, подчиняющимся тем же законам обмена и условиям образования ценности, что и все остальные» [Wicksteed, 1884, 392].

Уикстид соглашается со вторым из этих трех пунктов, но ставит под сомнение первый и третий: «Против второго пункта <...> мне нечего возразить. Первый и третий — вот что я хотел бы подвергнуть проверке» [Ibid., 393]. Таким образом, мишенью его атаки, которую он ведет с маржиналистских позиций, оказываются две несущих опоры марксистской конструкции — концепция трудовой ценности и концепция прибавочной ценности. Однако их разбор и оценку он предваряет обсуждением более общего вопроса — о предпринятом Марксом в первом томе «Капитала» анализе «субстанции» ценности.

⁷ «Я, конечно же, говорю о единственном опубликованном томе “Das Kapital”» [Wicksteed, 1884, 309].

Радикализм замысла Уикстида не вызывает сомнений: его критика оказывается направлена не на обнаружение каких-то частных изъянов, а на полное обрушение марксистской системы с заменой ее альтернативной теоретической схемой [Flatau, 2004]⁸. Важно при этом помнить, что текст Уикстида — это не просто первая встреча маржинализма с марксизмом, но также и первое популярное изложение теории предельной полезности (в версии Джевонса), для тех лет совершенно новой.

«Субстанция» ценности: труд versus полезность

Начинает Уикстид с обращения к знаменитому дедуктивному экзерсису из первой главы первого тома «Капитала», где Маркс ставит перед собой задачу отыскать «субстанцию» ценности и триумфально ее решает. Позднейшие поколения критиков также указывали на центральное место, которое логическое сальто, совершаемое в самом начале «Капитала» Марксом, занимает во всей системе его представлений. В этом отношении Уикстид оказывается далеко не одинок. (Скажем, Бём-Баверк характеризовал соответствующий силлогизм Маркса как «диалектический фокус-покус» [Бём-Баверк, 2009]).

В исходном пункте Уикстид (в отличие от Бём-Баверка) соглашается с Марксом: чтобы обмен вообще мог состояться, обмениваемые товары, с одной стороны, не должны быть идентичными (иначе они оставались бы у своих нынешних обладателей), но, с другой, должны иметь между собой нечто общее (иначе было бы невозможно их уравнивание в акте обмена). Другими словами, они должны отличаться в качественном отношении, но быть эквивалентны в количественном: «Железные гвозди и свежие яйца отличаются друг от друга по их “потребительной ценности” и служат разным целям. Пусть и красная и синяя ленты служат для украшения, но и та и другая могут делать человека красивее при одних обстоятельствах и безобразнее при других. Итак, я согласен с Марксом в том, что *Verschiedenheit* (разнородность) товаров следует искать в соответствующей *Gebrauchswert* (потребительной ценности) каждого из них, или, как я бы выразил это иначе, *товары отличаются друг от друга их специфическими полезностями*» [Wicksteed, 1884, 393].

⁸ Один из позднейших исследователей определил стиль полемики, характерный для работ Уикстида, как «стальной кулак в бархатной перчатке» [White, 2018].

Но что же представляет собой то «нечто общее» (*Gleichheit*), которого может быть в товарах то больше то меньше? Ответ Маркса в изложении Уикстида звучит так: «Что бы это ни было, мы должны отбросить все геометрические, физические, химические и другие природные свойства отдельных товаров, поскольку именно этим они отличаются друг от друга, а мы ищем то, в чем все они подобны. Но отбрасывая все эти природные свойства, мы тем самым отбрасываем все то, что придает товарам потребительную ценность, так что у них не остается ничего кроме одного-единственного свойства — быть *продуктами труда*. Но товары <...> являются продуктами множества *различных видов труда*, каждый из которых нацелен на придание им каких-то особых физических свойств, благодаря которым товары и приобретают свою специфическую полезность. <...> Поэтому если мы продолжаем рассматривать их как продукты труда, то это должен быть труд, лишенный специфических характеристик и специфических целей, всего лишь “абстрактный и однородный человеческий труд”, расходование в течение какого-то времени человеческого мозга, мускулов и т.д. Таким образом, *Gleichheit* отдельных товаров состоит в том, что все они являются продуктами абстрактного человеческого труда, и уравнение x товара $A = y$ товара B выполняется в силу того факта, что как для производства x единиц товара A , так и для производства y единиц товара B требуется одно и то же количество абстрактного человеческого труда» [Wicksteed, 1884, 394]⁹.

⁹ Это очень близко к тексту «Капитала»: «Меновое отношение <...> всегда можно выразить уравнением <...> например: 1 квартал пшеницы = a центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах <...> существует нечто общее равной величины <...> Этим общим не могут быть геометрические фигуры, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, то есть поскольку они делают товары потребительными ценностями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных ценностей <...> Если отвлечься от потребительной ценности товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они продукты труда <...> Вместе с полезным характером продуктов труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда; исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду <...> Что же осталось от продуктов труда? От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишнего различий человеческого труда <...> Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть ценности — ценности товаров» [Маркс, 1960, 45–46, с измене-

У Уикстида подобный ход рассуждений вызывает искреннее изумление и представляется ему (как и Бём-Баверку) прямым насилием над логикой: «По правде говоря, прыжок, посредством которого эта аргументация приводит нас к труду как единственному конституирующему элементу ценности, кажется мне настолько удивительным, что я готов поверить, что еще неопубликованные части “Капитала” содержат дополнительные разъяснения, которые смогут представить его в новом свете» [Wicksteed, 1884, 394]. Этот прыжок тем более удивителен, что вскоре Маркс сам незаметно «модифицирует собственный результат таким образом <...> что перечеркивает весь анализ, на котором тот строился раньше» [Ibid.]. Это ключевой пункт критики Уикстида: «Всего через несколько страниц после того, как нам объявили, что товары, рассматриваемые как носители “ценности”, подлежат очистке от всех имеющихся у них физических атрибутов, то есть от всего, что придает им потребительную ценность, и должны быть сведены к однородной призрачной субстанции как просто сгустки лишнего различий абстрактного человеческого труда, и что именно этот абстрактный человеческий труд наделяет их ценностью, мы наталкиваемся на важное утверждение о том, что *труд не считается, если он не является полезным* <...> Каким бы простым и самоочевидным ни казалось это утверждение, оно фактически означает отказ от всего предшествующего анализа, так как если считается только полезный труд, то тогда, очистив товары от всех их специфических свойств, которые придают им специфические виды полезной работы, мы не можем полагать, что очистили их от абстрактной полезности, которой наделяет их абстрактная полезная работа. Если считается только полезный труд, то тогда даже после того, как товары сведены к однородным продуктам труда в абстрактном смысле, они все равно остаются *полезными* в таком же абстрактном смысле, и поэтому нельзя утверждать, что “у них не остается ничего общего, кроме единственного свойства быть продуктами труда” <...> поскольку свойство быть полезными у них тоже остается. В данном отношении все товары также не отличаются друг от друга» [Ibid., 395]¹⁰.

ниями]. (Здесь и далее во всех цитатах из русского издания «Капитала» вводящий в заблуждение перевод «стоимость» исправлен на адекватный «ценность».)

¹⁰ В русском переводе: «Если [вещь] бесполезна, то и затраченный труд на нее бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой ценности» [Маркс, 1960, 49].

Логическая нестыковка в рассуждениях Маркса очевидна: отвлекаясь от специфических свойств различных видов труда, мы получаем в остатке абстрактный труд «вообще», но точно так же отвлекаясь от специфических свойств различных полезных вещей («потребительных ценностей»), мы получаем в остатке абстрактную полезность «вообще». Здесь присутствует полная симметрия. Вольно или невольно этот факт признает и сам Маркс, когда он проводит различие между двумя формами человеческой активности, одна из которых (полезная) «считается», а другая (бесполезная) «не считается». В самом деле, если абстрагироваться, следуя Марксу, от геометрических, физических, химических и т.п. свойств создаваемых людьми бесполезных предметов, то у них тоже останется «нечто общее», а именно то, что все они являются продуктами «расходования человеческого мозга, нервов мускулов и т.д.». Но, согласно Марксу, как мы помним, такое «бесполезное» расходование человеческой рабочей силы «не считается», а «считается» только «полезное». Но тем самым он де-факто признает наличие у «сгустков» абстрактного труда, образующих ценность, как минимум одного дополнительного свойства — быть полезными в абстрактном смысле.

Абстрактная полезность (другое «нечто общее») и становится для Уикстиды отправной точкой при выстраивании теории, альтернативной марксовской: «Итак, “нечто общее”, присущее всем обмениваемым вещам, есть не что иное, как абстрактная полезность, то есть способность удовлетворять человеческие желания. Обмениваемые предметы отличаются друг от друга тем, какие специфические желания они удовлетворяют, но подобны друг другу тем, что удовлетворяют их в равной степени» [Wicksteed, 1884, 396]¹¹.

¹¹ Уикстид предвидит возможное возражение, состоящее в том, что удовлетворения, которые мы получаем от столь непохожих предметов, как, скажем, Библия и бренди (пример Маркса), невозможно свести ни к какой общей для них мере. Однако элементарный житейский опыт, возражает он, говорит об обратном. В повседневной жизни мы осуществляем подобные операции сведения буквально на каждом шагу: «Если я готов отдать одну и ту же сумму денег и за семейную Библию и за дюжину бренди, то только потому, что я свел соответствующие удовлетворения, которые они мне доставляют, к общей мере, и нашел эти удовлетворения эквивалентными. Выражаясь экономическим языком, две эти вещи имеют для меня одинаковую абстрактную полезность. Выражаясь обыденным языком <...> любая из них ценима (worth) мною ровно настолько же, насколько и другая» [Wicksteed, 1884, 396].

Маркс был непоследователен и поэтому пришел к ложному решению: «Маркс был неправ, утверждая, что, когда мы переходим от того, чем обмениваемые продукты отличаются друг от друга (потребительная ценность), к тому, в чем они подобны (меновая ценность), мы не должны принимать во внимание их полезность, оставляя одни только сгустки абстрактного труда. В действительности нам надлежит исключить из рассмотрения конкретные и специфические качественные полезности, которые у них различны, но оставить одну абстрактную и общую количественную полезность, которая у них одинакова» [Wicksteed, 1884, 397]. В «Капитале», напоминает Уикстид, Маркс подробно обсуждает «двойственный характер труда», но почему-то не замечает, что точно такой же двойственный характер имеется и у полезности: «Пальто делается для нас специфически полезным благодаря работе портного, но оно специфически полезно нам (имеет потребительную ценность) только потому, что защищает нас от непогоды. Аналогичным образом пальто становится ценным для нас благодаря абстрактно полезной работе, но ценность оно приобретает только потому, что оно обладает абстрактной полезностью» [Ibid.].

Этот факт представляется Уикстиду настолько очевидным, что его, как он надеется, едва ли возьмутся оспаривать даже самые непреклонные приверженцы Маркса: «Осмелюсь думать, что если кто-нибудь из тех, кто изучал Маркса, с открытыми глазами перечитает первую часть “Das Kapital”, и особенно замечательный раздел о “двойственном характере заключающегося в товарах труда”<...> он будет вынужден признать, что великий логик впал, по меньшей мере, в формальную (или даже содержательную, как например, думаю я) ошибку, необоснованно и без предупреждения перейдя от одного понятия к другому, когда в головокружительном прыжке перескакивает от специфических полезностей к “овеществленному абстрактному труду”» [Ibid., 398]¹².

¹² Ср.: «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует ценность товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные ценности» [Маркс, 1960, 55].

Иными словами, после операции абстрагирования à la Маркс у нас остается не один, а целых два кандидата на роль источника ценности — абстрактный труд и абстрактная полезность. Проблема, следовательно, не решается с той легкостью, с какой намеревался решить ее он. Выбор между абстрактным трудом и абстрактной полезностью — это фундаментальная дилемма, которую безуспешно пытался обойти Маркс.

У самого Уикстида нет сомнений, что апелляция к абстрактному труду создает лишь иллюзию решения проблемы, тогда как действительный ключ к ее решению дает только абстрактная полезность. Он возвращается к этой мысли не один раз: «“Труд” действительно является одним из источников (хотя не единственным) как потребительной ценности (специфическая полезность), так и меновой ценности (абстрактная полезность), он ни в коей мере не является конституирующим *элементом* ни первой, ни второй» [Wicksteed, 1884, 397]; «В своей двойственной роли — специфически полезной работы (портняжное дело, столярное дело и т.д.) и абстрактно полезной работы — труд наделяет соответствующие предметы как *Gebrauchswerth* (потребительной ценностью), так и *Tauschwerth* (меновой ценностью), но он не является элементом ни той, ни другой» [Ibid.]; «Маркс предлагает нам доказательство, которое можно считать корректным с формальной точки зрения только в том случае, если модифицировать и дополнить его таким образом, чтобы мерилom ценности была признана *абстрактная полезность*» [Ibid., 398].

Уикстид допускает, что «многим моим читателям такой вывод покажется абсурдным и противоречивым» [Ibid.]. В качестве возможного контраргумента он ссылается на условный пример, из которого вроде бы следует, что кандидатуру абстрактной полезности следует отклонить. Пусть раньше на производство товаров *A* и *B* уходило одинаковое количество труда, и потребители платили за них одинаковые суммы. Однако после того, как в производстве *A* было внедрено некое новое изобретение, снизившее затраты труда на его изготовление вдвое, потребители стали платить за него половину той суммы, которую они по-прежнему платят за *B*. Хотя товар *A* служит мне ровно так же, как и раньше, и, соответственно, остается для меня таким же полезным, как и раньше, его меновая ценность оказывается ниже — причем в той самой пропорции, в какой сократились затраты труда на его изготовление.

Но это возражение бессильно против новейшей теории, разработанной Джевонсом: «Именно полное и окончательное решение данной проблемы <...> обессмертит имя Стэнли Джевонса, и все, что я пытался или еще попытаюсь сделать в своей статье, — это использовать при обсуждении рассматриваемых проблем мощный инструмент анализа, который он дал нам в руки. Следуя за ним, мы сможем объяснить факт *совпадения* между “меновая ценность” и “овеществленным трудом”, которое наблюдается в случае обычных промышленных товаров, четко осознавая при этом, что в конечном счете меновая ценность всегда определяется не “количеством труда”, а абстрактной полезностью» [Wicksteed, 1884, 399].

Уикстид посвящает несколько страниц популярному изложению теории Джевонса и прежде всего знакомит читателей с двумя открытиями им законами — «безразличия» и «изменения (variation) полезности» (терминология Джевонса). Первый гласит, что для качественно однородного блага на данном рынке в данный момент времени всегда существует единственная цена, так что все его единицы будут обмениваться на любое другое благо в одних и тех же пропорциях, второй — что каждая следующая единица данного блага приносит меньшую полезность, чем предыдущая. Скажем, в обществе, где у каждого члена уже есть два пальто, каждая следующая их добавка будет удовлетворять менее насущную потребность, обладать меньшей полезностью и, следовательно, иметь более низкую меновую ценность, чем в обществе, где у каждого члена есть только одно пальто. Соответственно, в первом обществе все пальто (одинакового качества) будут обмениваться на другие блага по более низким соотношениям, чем во втором. Отсюда вытекает, что меновая ценность всякого блага определяется не просто его абстрактной полезностью, но «абстрактной полезностью его последнего имеющегося приращения» [Ibid., 400]. В терминах теории предельной полезности меновые ценности предстают как внешнее выражение «эквивалентности полезностей» [Ibid.].

Относительные цены: два подхода

Обрисовав общие контуры трудовой теории ценности, с одной стороны, и теории предельной полезности, с другой, Уикстид приступает к сравнению их аналитических возможностей при объясне-

нии феномена меновой ценности. Сравнение оказывается явно не в пользу марксистского подхода: на фоне маржиналистского анализа он предстает и как более поверхностный и как менее универсальный, причем в нескольких смыслах одновременно.

Во-первых, если теория предельной полезности приложима к любым типам хозяйства (хоть первобытному, хоть коммунистическому, хоть капиталистическому), то трудовая теория ценности — только к экономикам, где возможен обмен. Во-вторых, если действие теории предельной полезности распространяется на все виды благ, то трудовой теории ценности ограничено лишь одним их классом — свободно воспроизводимыми благами, количество которых (теоретически) можно умножать до бесконечности. Наконец, поскольку теория предельной полезности не отрицает, что при определенных условиях товары действительно будут обмениваться пропорционально заключенному в них труду, она как бы «вбирает» в себя трудовую теорию ценности в качестве своего особого частного случая¹³.

Временной (исторический) охват. Базовый принцип «эквивалентности полезностей» действует в экономиках любого типа — как в тех, где обмен существует, так и в тех, где он отсутствует и где, следовательно, феномен меновой ценности невозможен по определению.

1. «Весь мистицизм, — пишет в «Капитале» Маркс, — всего товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства. Так как политическая экономия любит Робинзонады, то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове» [Маркс, 1960, 86]. Уикстид принимает приглашение Маркса и проверяет сначала, приложима ли теория предельной полезности к гипотетической «островной» экономике Робинзона.

Тест оказывается положительным: «Робинзону приходится выполнять различные виды полезных работ, такие как изготовление инструментов или предметов мебели, разведение коз, рыбалка, охота и т.д. Хотя он никогда не обменивает эти вещи друг на друга, не

¹³ К этому списку Уикстид добавляет позднее еще один пункт. Самое большее, на что может претендовать трудовая теория ценности, — это объяснение «нормальных» цен (в условиях долгосрочного равновесия). В отличие от этого теория предельной полезности корректно объясняет как «нормальные» цены, так и колебания вокруг них «рыночных» цен [Wicksteed, 1884, 407].

имея никого, с кем можно было бы обмениваться, он тем не менее прекрасно осознает эквивалентность полезностей, существующую между определенными продуктами его труда, и поскольку он свободен распределять свой труд по собственному усмотрению, он будет всегда направлять его туда, где тот сможет принести наибольшую полезность в данный момент» [Wicksteed, 1884, 400]. Самая насущная потребность — в пище, поэтому самые первые часы Робинзон посвятит поиску пропитания; обеспечив себя некоторым запасом пищи, он затем затратит сколько-то часов на сооружение грубого жилища, потому что это принесет ему больше полезности, чем если бы он продолжал заниматься добычей пропитания; и т.д. Всякий раз он будет увеличивать производство продукта, которого желает больше всего, до того предела, за которым каждая следующая дополнительная порция этого продукта начнет приносить ему меньшую полезность, чем дополнительная порция какого-то другого продукта, получение которого потребовало бы от него такого же времени. Последовательно действуя таким образом, он достигнет состояния равновесия, когда равные затраты его труда, куда бы они ни направлялись, станут приносить ему равные полезности [Ibid., 401].

2. От островного хозяйства Робинзона Уикстид переходит к рассмотрению бестоварного общества, члены которого полностью обеспечивают себя сами, не прибегая к обмену. В иллюстративных целях он предполагает, что любому работающему члену этого общества требуется четыре дня труда на изготовление пальто и полдня на изготовление шляпы и что в существующих там климатических и погодных условиях все они испытывают одинаковый дискомфорт как от отсутствия пальто, так и от отсутствия шляпы. Итак, хотя в настоящий момент шляпа так же полезна, как пальто, но на изготовление первой уходит в восемь раз меньше времени, чем на изготовление второго. Очевидно, что в подобной ситуации каждый человек окажется заинтересован в том, чтобы изъять часть своего труда из производства пальто и направить его на производство шляп.

Когда какое-то количество шляп будет произведено, дискомфорт, связанный с их недостатком, ослабнет, тогда как потребность в пальто будет оставаться по-прежнему острой. Допустим, дополнительная шляпа будет тогда лишь в половину полезна дополнительного пальто. Но поскольку человек может изготовить восемь шляп за то время, которое у него заняло бы изготовление одного пальто, и поскольку

каждая шляпа для него вдвое менее полезна, чем пальто, он все равно может доставить себе в четыре раза больше полезности, посвятив это время изготовлению еще одной шляпы, чем изготовлению еще одного пальто. Поэтому он продолжит изготавливать шляпы.

Однако потребность в шляпах начнет быстро убывать и вскоре наступит момент, когда полезность дополнительной шляпы составит лишь одну восьмую от полезности дополнительного пальто. Теперь за одно и то же время человек сможет производить одинаковую полезность независимо от того, занимается он изготовлением пальто или шляп: хотя на пальто у него будет по-прежнему уходить в восемь раз больше времени, чем на шляпу, тем не менее это пальто, когда оно будет готово, окажется ему столь же полезно, как восемь шляп. Иными словами, одно пальто будет цениться обществом так же, как восемь шляп. Будет достигнуто состояние равновесия, потому что полезность пальто будет соотноситься с полезностью шляп точно так же, как будут соотноситься затраты времени, необходимые для производства первых и необходимые для производства вторых [Wicksteed, 1884, 402].

Этот пример позволяет Уикстиду сформулировать общий вывод о разном каузальном значении полезности, с одной стороны, и затрат труда, с другой: «Обратите внимание: пальто ценится в этом обществе в восемь раз больше шляпы не потому, что на его изготовление уходит в восемь раз больше времени, чем на нее (так происходило бы в любом случае, даже когда одна шляпа представляла бы для общества такую же ценность, как *одно* пальто). Наоборот, это общество готово тратить на производство одного пальто в восемь раз больше времени, чем на производство одной шляпы, потому что когда оно будет пошито, его ценность окажется в восемь раз выше ценности шляпы» [Ibid.]. Распределение ролей, таким образом, очевидно: полезность — причина, затраты труда — следствие. В конечном счете именно относительная полезность выступает регулятором распределения времени, направляемого обществом на производство тех или иных видов благ.

3. Универсальность принципа «эквивалентности полезностей» подтверждается его применимостью не только к изолированному индивидуальному хозяйству (остров Робинзона) или бестоварным экономикам коммунистического и патриархального типа («пальтошляпное» общество), но также к современной индустриальной коммерческой системе, в которой мы живем сейчас. В такой системе, где

ничьи желания не подлежат исполнению, пока человек не предложит что-нибудь взамен для удовлетворения желаний других людей, товары *A* и *B* будут обмениваться пропорционально их предельным полезностям для покупателя.

Однако в этом случае возникает серьезное усложнение, связанное с ролью фактора предложения¹⁴. В коммерческом обществе меновая ценность товаров данного вида определяется не просто их предельной полезностью, но их предельной полезностью *на пределе предложения* (at the margin of supply) [Wicksteed, 1884, 403]. Уикстид подробно поясняет это на еще одном условном примере.

Пусть ценность наручных часов определенного качества составляет для меня 15 фунтов стерлингов, то есть они мне полезны ровно настолько же, насколько и все другие предметы, которых у меня нет и которые я мог бы приобрести за ту же сумму. Однако в коммерческом обществе, членом которого я являюсь, часы поставляются на рынок темпом по 50 штук в день, хотя для удовлетворения спроса тех, кто ценит их, как и я, в 15 ф. ст., было бы достаточно поставлять на рынок всего лишь по 10 штук в день. В то же время количество тех, кто ценит часы не менее чем в 10 ф. ст., как раз достаточно, чтобы каждый день раскупалось ровно 50 штук. Иными словами, ценность, или предельная полезность, часов данного качества при их поставках по 50 штук в день составляет на пределе предложения 10 ф. ст. и, следовательно, все они продаются и покупаются именно за эту сумму. Хотя есть люди, для которых часы обладают более высокой полезностью (скажем, 15 ф. ст.), она не влияет на полезность часов на пределе предложения, а значит, не влияет и на их меновую ценность. Из-за этого какой-то части покупателей часы обойдутся в 10 ф. ст., хотя *для них* полезность часов будет выше этой величины¹⁵.

Далее Уикстид рассматривает реакцию меновых ценностей на внедрение в часовую отрасль некой трудосберегающей инновации. Пусть при исходных условиях (цена 10 ф. ст. и темп поставок 50 штук в день)

¹⁴ Как видно из аргументации Уикстида, он выносит за скобки все прочие производственные факторы помимо труда, а также исходит из предпосылки постоянной отдачи (каждая следующая порция труда производит то же количество продукта, что и предыдущая) [Steedman, 1989].

¹⁵ Естественно, предел предложения может быть смещен вниз отзывом части часов с рынка продавцами, сознательным сокращением объема их выпуска производителями и многими другими факторами, но это не меняет сути дела [Wicksteed, 1884, 404].

для того, чтобы произвести одну штуку часов, требовалось 12 дней труда, и это была ситуация равновесия (то есть было невозможно перенаправить часть этого труда ни на что другое, что имело бы на пределе предложения полезность выше 10 ф. ст.). Техническое перевооружение отрасли обеспечивает экономию времени в размере 25%, то есть одну штуку часов становится возможно производить теперь за 9 дней. Само по себе это никак не меняет полезность часов, так что 9 дней, затрачиваемых на их изготовление, будут теперь приносить такую же полезность, как 12 дней, затрачиваемых на производство любых иных предметов. Тогда всякий, кто вправе свободно распоряжаться своим трудом, конечно же, захочет перенаправить его в часовую отрасль, но часы, которые он станет производить, будут уже не так полезны, как раньше. Теперь их будет производиться больше и поэтому для того, чтобы все они раскупались, какую-то их часть должны будут купить новые покупатели, для которых часы обладают меньшей полезностью, чем для прежних покупателей, а какую-то — прежние покупатели, у которых появится желание приобрести себе вторые часы, пусть даже они будут обладать для них меньшей полезностью, чем первые (вследствие чего раньше они ограничивались покупкой только одной штуки часов). В результате полезность часов на пределе предложения составит теперь 9 ф. ст.: «Но ценность часов упадет *не потому, что они стали содержать меньше труда*, но потому, что последние приращения их количества оказываются менее полезными, а <...> полезность самого последнего приращения определяет ценность их всех» [Wicksteed, 1884, 405].

Но и в этой ситуации перераспределять труд дальше в пользу производства часов остается по-прежнему выгодным: 9 дней труда, затраченных в любой другой отрасли, будут приносить полезность, эквивалентную лишь 7 фунтам 10 шиллингам, тогда как при его применении в производстве часов — полезность, эквивалентную 9 фунтам. Первоначальная равновесная цена равнялась 10 ф. ст. По мере того как поток предложения станет возрастать, она начнет снижаться, пока не установится на отметке 7 ф. 10 шил.: «Когда этот уровень будет достигнут, равновесие восстановится. 9 дней труда станут производить полезность, эквивалентную 7 ф. 10 шил. независимо от того, затрачиваются они на изготовление часов или чего-то другого. Ценность часов соответствует теперь заключенному в них количеству труда, однако они оцениваются ровно в 7 ф. 10 шил. не потому, что в них

воплощено ровно 9 дней труда определенного качества, а наоборот: люди потому и захотят затрачивать на их производство ровно 9 дней такого труда, потому что когда часы будут произведены, их ценность составит 7 ф. 10 шил. и они станут оцениваться в такую сумму как раз благодаря своей полезности на пределе предложения, которая <...> и определит их меновую ценность» [Wicksteed, 1884, 406].

Вывод Уикстида: хотя в коммерческом обществе меновые ценности продуктов действительно пропорциональны затратам труда, необходимым для их производства, сами эти затраты пропорциональны предельным полезностям на пределе предложения. По сути, относительные затраты труда — это всего лишь промежуточное звено между предельными полезностями (исходная точка) и меновыми ценностями (конечный результат). Иными словами, теория предельной полезности «не только исчерпывающе объясняет все феномены спроса и предложения, но применительно к товарам, количество которых может неограниченно умножаться посредством труда, объясняет также совпадение между относительными величинами заключенного в них труда и их относительными ценностями» [Ibid.].

Пространственный (типологический) охват. Действие трудовой теории ценности ограничено не только во времени, но и в пространстве. Существует многочисленный класс благ, к которому она даже не знает как подступиться. Это — невоспроизводимые блага, количество которых жестко фиксировано и не может быть умножено с помощью труда. Как признает де-факто сам Маркс, предложенное им объяснение ценности товаров имеет в виду только свободно воспроизводимые блага. Однако определение понятия «товар», которое дается в «Капитале», в действительности намного шире, поскольку покоится, по выражению Уикстида, на «голом факте *обмениваемости* предметов» [Ibid., 396].

Хотя из этого определения вроде бы следует, что объектом экономического анализа должны являться любые вещи, участвующие в актах обмена, Маркс произвольно сужает его область, исключая невоспроизводимые блага. С помощью этого приема ему удастся уйти от вопроса, чем же определяется ценность таких благ: «Существуют <...> вещи, которые обмениваются обычным порядком (и которые, следовательно, нам следует рассматривать как содержащие в себе то “нечто общее”, что подразумевается каждым уравнением обмена и отказать чему в праве называться “ценностью” было бы верхом про-

извола), но изменять количество и качество которых труд бессилён, хотя их ценность тоже может оказываться то выше, то ниже. Таковы образцы старинного фарфора, картины умерших мастеров, а также в большей или меньшей степени продукты всех естественных и искусственных монополий. Ценность таких вещей колеблется, потому что колеблется их полезность. Но их полезность меняется не вследствие каких-либо изменений в их количестве или их качестве, а вследствие изменений в желаниях, которые они обслуживают. Я не в силах понять, как анализ акта обмена, сводящий предполагаемое этим актом «нечто общее» к труду, может быть распространён на данный класс явлений» [Wicksteed, 1884, 407].

В отличие от трудовой теории ценности теория предельной полезности «применима к любым обмениваемым предметам, независимо от того, можно ли их производить в неограниченных количествах как, например, семейные Библии или бренди, или же они имеются в строго ограниченном числе, как, например, картины Рафаэля» [Ibid., 397]. В самом деле, нельзя не признать, что если носителями «абстрактного труда» могут выступать только воспроизводимые блага, то носителями «абстрактной полезности» абсолютно любые — как те, что могут неограниченно умножаться трудом, так и те, что существуют в строго ограниченных количествах¹⁶.

Сравнительный анализ трудовой теории ценности и теории предельной полезности Уикстид завершает выводом о безусловном превосходстве второй: «Теперь в нашем распоряжении есть теория ценности, которая в равной степени применима к вещам, которые могут,

¹⁶ По Марксу, если воспроизводимые блага обладают как ценой, так и ценностью, то невоспроизводимые имеют только «цену, не имея ценности» [Маркс, 1962, 112]. Список подобных благ, цены на которые устанавливаются без участия абстрактного труда, оказывается огромен: это не только памятники древности, коллекционные вина или картины старых мастеров, но также земля и другие природные ресурсы. Поэтому нельзя сказать, чтобы речь шла о каких-то редких или малозначимых исключениях из «закона ценности» Маркса. (Заметим в скобках, что о невоспроизводимых потребительских благах в «Капитале» упоминается единственный раз — в третьем томе, причем все, что про них сообщается, это то, что цена на них определяется «весьма случайными обстоятельствами» [Маркс, 1962, 183].) Сам феномен существования цен без ценностей Маркс трактует как наглядное подтверждение «иррациональности» буржуазных производственных отношений (симулякр?) [Там же, 172; 340; 385]. Но постулирование подобного феномена свидетельствует скорее об иррациональности мышления самого автора столь причудливой терминологии, чем об иррациональности описываемых им экономических отношений.

и к вещам, которые не могут умножаться трудом, а также как к рыночным, так и к нормальным ценам и которая <...> плотно, как перчатка, облегает все сложные феномены современного коммерческого общества, показывая в то же время, что все они являются всего лишь особыми частными проявлениями более общих и фундаментальных экономических фактов, поскольку у них обнаруживаются близкие аналогии и в островном хозяйстве Робинзона Крузо и в экономике самообеспечения патриархальных обществ» [Wicksteed, 1884, 407]¹⁷.

Ценность товара «рабочая сила»

Заключительную часть статьи Уикстид посвящает обсуждению концепции ценности рабочей силы или, что то же самое, концепции прибавочной ценности, поскольку последняя определяется Марксом как разность между ценностью произведенного продукта и ценностью рабочей силы, участвовавшей в его производстве. Комментарии Уикстида на эту тему отличаются большей сжатостью и представляют собой практическое приложение общих принципов, установленных им ранее при анализе проблемы ценности [Ibid., 408].

По его словам, экономисты практически всех школ сходятся на том, что в современных условиях заработная плата работников простого физического труда стремится к уровню, едва достаточному для выживания их самих и их детей¹⁸, и что единственный способ, как можно добиться ее повышения, — это коллективный отказ работников от того, чтобы продолжать мириться с этим и дальше [Ibid., 389]. Изучение «Капитала» убедило Уикстида, что Маркс также принимает это представление, хотя и по совершенно иным основаниям, чем экономисты Старой (классической) школы.

Согласно мальтузианской философии экономистов-классиков, поддержание заработной платы на уровне минимума средств существования есть закон природы, а не общества. Из-за действия прин-

¹⁷ В известном смысле Уикстид предвосхищает также будущую дискуссию о «противоречии» между первым и третьим томами «Капитала» (проблема трансформации ценностей в цены производства), когда замечает, что теория, изложенная в первом томе, находится в вопиющем противоречии с общеизвестными эмпирическими фактами. Но он воздерживается от дальнейших комментариев на эту тему в ожидании выхода следующих томов [Wicksteed, 1884, 410].

¹⁸ Для обозначения этой минимальной величины Уикстид использовал выражение *starvation point* (в буквальном переводе — порог голодания).

ципа убывающей доходности каждый дополнительный работник, чей труд начинает прилагаться к менее плодородным участкам земли, снижает среднюю производительность труда, а значит, объем продуктов потребления в расчете на одного работника также становится меньше. Маркс отвергает (по мнению Уикстида, совершенно правильно) «чудовищные предположения мальтузианства» [Wicksteed, 1884, 389] и поэтому должен предложить какое-то иное объяснение данного феномена. Он усматривает это объяснение не в материальных условиях существования человечества, а в экономической и социальной организации капиталистических обществ. Что же в рамках современной системы заставляет работников вступать в сделки с работодателями на столь непривлекательных условиях? Благодаря чему рынок труда всегда оказывается переполнен людьми, добровольно предлагающими свою рабочую силу за плату, едва достаточную для выживания?

Для Маркса очевидно, что раз «рабочая сила» — товар, то, значит, к ней приложимы все те закономерности, которые действуют для «обычных» товаров. Уикстид так передает логику его рассуждений: «Ценность рабочей силы, как и любого другого товара, определяется количеством труда, необходимого для ее производства. Так, количество труда, необходимое для производства, допустим, дневной рабочей силы, — это то его количество, которое требуется для производства пропитания, одежды и т.д., которых хватило бы для поддержания работника в рабочем состоянии в течение суток с поправкой на расходы по содержанию детей в количестве, достаточном для того, чтобы предложение труда не иссякало» [Ibid., 391].

Однако купив рабочую силу в точном соответствии с ее ценностью, капиталист получает возможность использовать ее в течение большего времени, чем нужно для ее (вос)производства, то есть больше, чем нужно для производства минимального объема жизненных средств: «Краеугольный камень, на котором строится эта теория, составляют <...> утверждения о том, что ценность рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства, и что расходование этой же рабочей силы выражается в большем количестве труда, чем необходимо для ее производства, так что приобретая рабочую силу по ее ценности, покупатель будет способен получить в конце сделки больше труда (и, следовательно, больше ценности), чем было вложено им вначале» [Ibid., 407—408].

Таким образом, у Маркса труд выступает универсальным источником ценности, будь то ценность «обычных» товаров или ценность товара «рабочая сила», а в силу этого также и источником «прибавочной ценности»: «Хотя [капиталист], — резюмирует Уикстид его аргументацию, — покупает все необходимое для производства [товара] <...> (в том числе рабочую силу) *по их ценности* и продает его *по его ценности*, все же на выходе он получает большую ценность, чем на входе. Это “больше” и есть “прибавочная ценность” <...> Присвоение и производство прибавочной ценности есть, согласно Марксу, имманентный закон капиталистического производства» [Wicksteed, 1884, 392].

В первом приближении представленную в «Капитале» концепцию ценности рабочей силы можно квалифицировать как «грубую версию теории издержек производства» (в данном случае — трудовых) [De Vivo, 1987, 41]¹⁹. Де-факто Маркс ограничивается тем, что просто постулирует равенство ценности рабочей силы количеству труда, заключенному в определенном наборе средств существования, но никак это равенство не объясняет и, более того, даже не сознает необходимости предложить для его объяснения какой-либо каузальный механизм. Все доказательство — это рассуждения по аналогии: раз ценность «обычных» товаров определяется количеством труда, необходимым для их производства, значит, и ценность товара «рабочая сила» будет определяться количеством труда, необходимым для ее производства; раз для производства рабочей силы (то есть для ее поддержания в состоянии нормальной жизнедеятельности) достаточно определенного объема жизненных средств, значит, количество заключенного в них труда и будет определять ее ценность. Однако ни-

¹⁹ Ср.: «Труд — такой же товар, как и всякий другой, и цена его определяется теми же законами, как и цена всякого другого товара. При господстве крупной промышленности или свободной конкуренции, — что <...> есть одно и то же, — цена товара в среднем всегда равняется издержкам производства этого товара. Следовательно, *цена труда тоже равна издержкам производства труда*, а издержки производства труда состоят именно из того количества жизненных средств, которое необходимо, чтобы рабочий был в состоянии сохранять свою трудоспособность и чтобы рабочий класс не вымер. Более, чем нужно для этой цели, рабочий за свой труд не получит; цена труда, или заработная плата, будет, следовательно, самой низкой, составит тот минимум, который необходим для поддержания жизни. <...> Так как в делах бывают то лучшие, то худшие времена, рабочий будет получать то больше, то меньше <...> [но] все-таки <...> *в среднем получит не больше и не меньше этого минимума*» [Энгельс, 1955, 324; курсив мой. — Р. К.].

какого объяснения, почему «нормальная» цена рабочей силы должна устанавливаться именно на этом уровне, а не каком-то другом, не дается²⁰.

У классической теории такое объяснение было: это — мальтузианский принцип народонаселения. Заложенный в людях инстинкт размножения неизбежно приводит к тому, что цена труда (равновесная) должна рано или поздно устанавливаться на уровне, соответствующем минимуму средств существования. Маркс отбрасывает мальтузианский принцип (и Уикстид здесь с ним солидарен), но не предлагает вместо него никакого альтернативного механизма, который определял бы «нормальную» цену труда. Какой причинно-следственный механизм, по мысли Маркса, отвечает за «притягивание» ценности рабочей силы к тому или иному фиксированному «объему жизненных средств», из текста «Капитала» остается абсолютно неизвестным. Это очевидная концептуальная лакуна²¹.

Однако Уикстид идет еще дальше, показывая, что для современных обществ, где работники сами свободно распоряжаются своей рабочей силой, сценарий, который подразумевается марксистской трактовкой, не представим даже теоретически. Он выдвигает тонкое и изящное возражение, которое, похоже, никем из позднейших критиков Маркса не было оценено по достоинству. В простейшей формулировке оно сводится к тому, что аналогия между «обычными»

²⁰ Строго говоря, рабочая сила не может считаться товаром в смысле самого Маркса, так как не подпадает под его собственное определение «товара»: 1) она производится не с целью обмена ради извлечения прибыли; 2) она не является непосредственным продуктом труда, так как производится без его прямого участия путем поглощения «определенного объема жизненных средств» (во всяком случае об участии в производстве рабочей силы *живого* труда в «Капитале» ничего не сообщается).

²¹ Уикстид признает присутствие в «Капитале» еще одного — альтернативного или дополнительного — объяснения ценности рабочей силы, отталкивающегося от идеи «резервной армии» безработных. Колебания в ее численности Маркс связывает, во-первых, с характерными для капиталистической системы спазматическими сжатиями и расширениями производства, и, во-вторых, с нарастающим использованием трудосберегающих машин. Под действием этих факторов на рынок постоянно выбрасывается огромная масса безработных, готовых продавать свою рабочую силу за сколь угодно низкую цену, даже если она обеспечивает только их физическое выживание. Высоко оценивая эту аргументацию Маркса, Уикстид вместе с тем отмечает ее ограниченность: она помогает понять, чем вызываются колебания цены рабочей силы вокруг ее «нормального» (равновесного) уровня, но не объясняет, чем определяются он сам [Wicksteed, 1884, 390].

товарами и товаром «рабочая сила», из которой исходит Маркс, является ложной, так как механизм ценообразования, действующий в первом случае, не действует во втором²².

В предшествующих разделах статьи Уикстид уже показал, что вопреки марксистской доктрине «ценность товара не зависит от “количества овеществленного в нем труда” и не всегда с ним совпадает» [Wicksteed, 1884, 408]. Возникает вопрос: при каких условиях такое совпадение происходит и отвечает ли этим условиям товар «рабочая сила»? Это происходит тогда, отвечает Уикстид, когда товары производятся в условиях конкуренции между агентами, принимающими решения относительно их выпуска по своему усмотрению: «Всегда, когда труд может свободно вкладываться в производство *A* или *B* на выбор, так что *x* дней труда можно по желанию преобразовывать либо в *y* единиц *A*, либо в *z* единиц *B*, тогда и только тогда труд будет направляться на производство дополнительных единиц того или другого до тех пор, пока относительное изобилие или относительная редкость *A* и *B* не окажутся такими, что у единиц *A* будут так же полезны на пределе предложения, как *z* единиц *B*. В этот момент и будет достигаться равновесие» [Ibid.].

Однако так происходит не всегда: «Если существует некий товар *C*, на производство которого человек не может направлять имеющийся в его распоряжении труд по своему желанию, то тогда нет никаких оснований полагать, что ценность этого товара будет находиться в каком-либо определенном отношении к количеству содержащегося в нем труда, поскольку ценность *C* будет определяться его полезностью на пределе предложения, а по нашему предположению труд не в состоянии сдвигать эту границу вверх или вниз» [Ibid.].

Соответственно существует два разных типа экономик — те, где рабочая сила относится к категории товаров *A–B*, и те, где она относится к категории товаров *C*. Первый тип представляют рабовладельческие общества, второй — современные индустриальные коммерческие общества: «Именно так обстоит дело с рабочей силой в любой стране, где работники не являются чьими-то личными рабами. Даже если путем сделки или каким-то иным образом я приобрел право ис-

²² Все же этот аргумент, по-видимому, не был полностью оригинальным, поскольку некоторые другие экономисты уже критиковали со схожих позиций теорию Рикардо [White, 2018].

пользовать определенное количество труда [другого человека] для любой выбранной мною цели, то я все равно не могу решать по своему усмотрению, сколько труда направить мне, скажем, на производство шляп и *сколько на производство рабочей силы*, если только я не живу в стране, где допускается “разведение рабов” (slave-breeding). Таким образом, не существует никакого экономического закона, действие которого делало бы соотношение между ценностью рабочей силы и ценностью других товаров равным соотношению между овеществленными в ней и в них количествами труда» [Wicksteed, 1884, 408].

Итак, совпадение ценностей товаров с затратами труда, идущими на их производство, зависит от того, может ли труд свободно перемещаться между различными видами производства вплоть до достижения равновесия или нет. Как следствие, единственным типом экономики, полностью подходящим под описание Маркса, оказывается рабовладельческая система. Только в такой системе последняя единица затрат, направляемая рабовладельцами на «разведение рабов», обладала бы для них точно такой же полезностью, как последние единицы затрат, направляемых ими на производство всех остальных продуктов. Но эта логика — логика минимизации издержек производства — не приложима к современным обществам свободных людей. В них (в отличие от рабовладельческих обществ) производством своей рабочей силы занимаются непосредственно сами работники, а не их наниматели, и было бы странно, если бы они вдруг начали стремиться к минимизации затрат на ее производство (то есть к тому, чтобы потреблять как можно меньше благ сверх определенного уровня)²³.

Из анализа Уикстида следует, что марксистская концепция ценности рабочей силы может иметь силу только по отношению к рабовладельческим обществам, где рабочая сила производится на тех же условиях, что и все остальные товары. Поскольку Маркс отбрасывает мальтузианское объяснение, а объяснение, которое он предлагает взамен, при ближайшем рассмотрении оказывается несо-

²³ Эту мысль можно выразить иначе: в современных обществах работодатель не может через голову работника направлять на производство его (работника) рабочей силы такое количество труда, которое он (работодатель) счел бы для себя желательным.

стоятельным, в его теоретической схеме образуется огромная брешь: в рамках предпринятого им анализа ценность ключевого товара — рабочей силы — оказывается неопределенной²⁴. Вопреки претензиям Маркса никакого решения этой проблемы он не дал [Wicksteed, 1884, 409]. Но неопределенность ценности рабочей силы автоматически означает неопределенность прибавочной ценности, величина которой определяется по остаточному принципу. Ни ценность рабочей силы, ни прибавочная ценность не получают, таким образом, реального объяснения. Как следствие, смысловое ядро всей конструкции — идея эксплуатации труда капиталом — лишается опоры и повисает в воздухе.

Анализ приводит Уикстида к результатам, сокрушительным для марксистской системы: 1) она неспособна дать удовлетворительное объяснение феномена относительных цен; 2) ее трактовка ценности рабочей силы непоследовательна и внутренне противоречива; 3) ее

²⁴ Можно сказать, что в этом пункте Уикстид неточно передает позицию Маркса, так как в «Капитале» речь идет не об эквивалентности ценности рабочей силы физическому минимуму, а более расплывчато — о ее эквивалентности «определенному объему жизненных средств» без уточнения, каков этот объем. Более того, согласно Марксу, в нормальных условиях ценность рабочей силы должна превышать «ценность физически необходимых жизненных средств», поскольку помимо физического элемента она включает также «моральный, или исторический, элемент» [Маркс, 1960, 182—183]. Но, во-первых, в более ранних текстах основателей марксизма впрямую говорится о том, что ценность рабочей силы определяется величиной физического минимума (см. выше, сноска 18). Во-вторых, на это же намекают многие пассажи в самом «Капитале» — например, о том, что объем жизненных средств, определяющий ценность рабочей силы, удовлетворяет только *первейшие* потребности наемных работников [Там же, 570]. (О том же говорит идея абсолютного обнищания, предполагающая, что рано или поздно наемные работники должны будут обнищать до физического минимума жизненных средств.) В-третьих, практически все приводимые в нем исторические примеры описывают ситуации, когда ценность рабочей силы опускалась до физического минимума или даже проваливалась еще ниже. В-четвертых, поскольку Уикстид и все его современники (в том числе — сторонники марксизма) воспитывались на рикардизме, они должны были воспринимать высказывания Маркса о физическом минимуме как нижней границе ценности рабочей силы [Там же, 183] или о «постоянной тенденции капитала» к низведению заработной платы до «нигилистического уровня» [Там же, 613] как однозначные отсылки к идее минимума средств существования. Наконец, следует учитывать, что мишенью критики Уикстида является общая марксистская идея о том, что ценность рабочей силы определяется издержками ее производства, — независимо от того, сводятся ли эти издержки к минимуму средств существования или почему-либо его превышают.

идея прибавочной ценности лишена научной основы. Отсюда итоговый вердикт: «Как мне представляется, Маркс не выявил никакого имманентного закона капиталистического производства, согласно которому человек, покупающий рабочую силу по ее ценности, извлекал бы из ее потребления прибавочную ценность» [Wicksteed, 1884, 409]²⁵.

В заключение Уикстид напоминает, что многие идеи, высказанные Марксом в последних главах «Капитала», представляются ему чрезвычайно ценными, хотя он и не понимает, как они логически связаны с его абстрактными рассуждениями в первых главах книги. Здесь Уикстид ставит финальную точку: «Цель моей статьи была чисто критической, и поэтому я считаю свою задачу на данный момент выполненной» [Ibid.].

Последствие

Публикация статьи Уикстида произвела среди британских интеллектуалов эффект разорвавшейся бомбы: «Католик, оспаривающий непогрешимость римского Папы, — писал Б. Шоу, — не мог бы вызвать большего скандала. Немедленно был вынесен приговор об отлучении: <...> и [все] <...> начали с нетерпением спрашивать друг друга по мере того, как месяц шел за месяцем, почему же еретик остается без ответа» [Ellis, 1930, 69–70]. Нет никаких сомнений, что все социалистические лидеры прочли критику Уикстида, поскольку она была опубликована в официальном органе Социал-демократической федерации. Однако никто из них так и не решился поднять брошенную перчатку. Затянувшееся молчание становилось неприличным и тогда, увидев, что никто из ведущих социалистов не рвется отвечать Уикстиду, на защиту Маркса решил встать молодой социалист, драматург и публицист Бернард Шоу. Его ответ был опубликован в следующем году в одном из номеров того же журнала «To-Day» [Shaw, 1885]. Но выглядела его защита несколько экзотически.

²⁵ Как видно из этого комментария, хотя Уикстид отвергал объяснения как Мальтуса, так и Маркса, сам факт оплаты работников простого физического труда в размере, едва достаточном для выживания, он не отрицал. Однако излагать свою точку зрения по этому предмету в статье, посвященной критике Маркса, он посчитал неуместным [Wicksteed, 1884].

С одной стороны, Шоу всячески иронизирует над теорией предельной полезности: «Я вовсе не буду расстроен, когда смогу с облегчением забыть про нее после того, как ее атака будет отбита, и прежний прозрачный поток рикардианской теории трудовой ценности смоем всю ту муть, которую поднял покойный Стэнли Джеванс и которая, пусть даже выраженная в дифференциалах, представляет собой в действительности бесконечно малую величину» [Shaw, 1885, 22]. С другой, он совсем не в восторге от бесконечных словопрений социалистов, «погрязших в догматических спорах о том, чему учил Маркс или чему, по их догадкам, он должен был бы учить в своем анализе ценности», и хвалит Уикстида за то, что тот «поступил мудро и предусмотрительно, возглавив наступление на экономическую цитадель Коллективизма, которое рано или поздно должно было начаться» [Ibid.].

Попутно Шоу признается, что не обладает необходимой компетенцией, которая позволила бы ему представить опровержение критики Уикстида, и потому совершенно не собирается этого делать [Ibid., 23]. Затем он выдвигает более чем смелое предположение о том, что, возможно, неопубликованные тома «Капитала» содержат немало элементов джевансовской теории предельной полезности, и в таком случае дальнейшая дискуссия не имеет смысла. Поэтому Шоу выбирает наиболее удобную для себя стратегию: даже не пытаясь защищать трудовую теорию ценности Маркса от выдвинутых против нее возражений, он вместо этого переходит в наступление на теорию полезности Джеванса, как будто бы это само по себе спасало марксистский подход от критики Уикстида. Но и здесь достигает немногого. Как справедливо замечает Р. Хоуи, «в очищенном от риторических красот виде статья Шоу реально ничего не говорит в пользу теории трудовой ценности Маркса и мало что говорит против теории предельной полезности Джеванса» [Howey, 1960, 122]. По большому счету все содержательные контраргументы Шоу сводятся к обсуждению двух условных примеров, которые, как он полагал, не поддаются объяснению в терминах теории предельной полезности.

В своей короткой ответной реплике (две страницы) Уикстид сначала отдает должное литературному блеску, с каким написан комментарий Шоу, а затем показывает, как теория полезности Джеванса может с легкостью решить те проблемы, которые представлялись Шоу неразрешимыми (в первом случае тот смешал общую и предельную

полезность, а во втором не учел возможность существования излишка потребителя) [Wicksteed, 1885]. Заканчивает Уикстид свой ответный комментарий общей оценкой марксистской теории: «В заключение лишь два слова о важности этого спора. Он касается не просто каких-то абстрактных материй (хотя даже если бы это было так, то уж поклонники Маркса едва ли имели бы право отворачиваться от них с пренебрежением). Этот спор затрагивает всю систему экономической науки, но прежде всего теорию Маркса. Находясь в противоречии с очевидными фактами и не предпринимая никаких попыток (во всяком случае, в опубликованной на сегодня части “Капитала”) это явное противоречие устранить, Маркс пытается посредством чистой логики заставить нас поверить, что “прибыль”, “процент” и “рента” должны иметь своим источником “прибавочную ценность”, которая возникает в результате покупки “рабочей силы” по ее ценности и продажи продуктов также по их ценности. Краеугольным камнем всех этих построений является принятая Марксом теория ценности, и я попытался показать, что она несостоятельна» [Ibid., 179].

Собственно, на этом первое столкновение маржинализма с марксизма было закончено и полная победа осталась за Уикстидом. Гробоное молчание марксистов в ответ на критику (если не считать неудачную реплику Шоу) было красноречивее любых слов: ни один из них так и не решился выступить против Уикстида в защиту Маркса. Де-факто они смирились с поражением, признав (полностью или частично, явно или неявно) превосходство теории предельной полезности Джевонса над трудовой теорией ценности Маркса. Впрочем, это не означало окончания самой дискуссии, которая велась в социалистических изданиях еще несколько лет, но уже без какого-либо участия Уикстида. Предметом обсуждения был вопрос: что же делать с трудовой теорией ценности Маркса теперь, после того как были продемонстрированы ее неполнота и ошибки? Одни призывали отбросить ее целиком, взяв на вооружение теорию предельной полезности, другие предлагали создать из альтернативных теорий Маркса и Джевонса некий гибрид. Но к Уикстиду все это уже не имело отношения. Факт остается фактом: представленная им критика так никогда и не была публично оспорена ни одним марксистом²⁶.

²⁶ В сообщество профессиональных экономистов критика Уикстида также была встречена благожелательно. Фоксвелл был настолько впечатлен ею, что начал усердно пропагандировать его статью среди коллег и знакомых и, по некоторым све-

С вердиктом современников согласны и все позднейшие комментаторы, причем, что важно, независимо от их идеологических установок. Так, по словам Роббинса, статья Уикстида стала «первой научной критикой теории Маркса <...> и в некоторых отношениях эта критика остается самой сокрушительной» [Robbins, 1970, 192]. Столь же высоко отзывался о ней известный марксистский экономист П. Суизи: «Критика марксистской теории Уикстидом была одной из самых ранних, а также одной из самых лучших с точки зрения субъективистской теории ценности» [Sweezy, 1949, 244]. Э. Хоббсбаум полагал, что «мало какой из критических анализов Маркса был настолько эффективен, как анализ Уикстида» [Hobsbawm, 1957, 37]. Итальянский историк экономической мысли Д. Де Виво так оценивает общие результаты дискуссии: «В конечном итоге марксисты оказались совершенно неспособны себя защитить и теория Джевонса одержала победу» [De Vivo, 1987, 43]²⁷.

Свое поражение в полемике с Уикстидом вынужден был признать Шоу: «Когда Филипп Уикстид, обратившийся в поклонника теории Джевонса, атаковал знаменитую теорию ценности Маркса, а мне пришлось защищать ее, потому что не нашлось никого лучше, я ничего не знал об абстрактной экономической теории. В течение нескольких лет я бился над этим предметом, посещая вместе с Уикстидом один клуб, где он читал лекции о теории Джевонса. Я пришел к выводу, что в том, что касается абстрактной теории, Уикстид был прав, а Маркс заблуждался» [Show, 1949, 81]. Вспоминая свою полемику с Уикстидом, Шоу писал, что она закончилась весьма парадоксально – его собственным обращением в веру оппонента [Steedman, 1989, 130]. В результате он стал непримиримым противником трудовой теории ценности и ярым сторонником теории предельной полезности: «Я вручил себя в руки м-ра Уикстида и стал убежденным джевонсианцем, восхищаясь хитросплетениями теории Джевонса и изяществом, с которым она может применяться ко всем случаям, которые заставляли предшествовавших экономистов, включая Маркса, утопать

дениям, на одном обеде даже пытался завести разговор о ней с Энгельсом [White, 2018]. Копию своей публикации Уикстид послал Л. Вальрасу и тот чрезвычайно тепло о ней отзывался.

²⁷ Насколько мне известно, единственная попытка показать неточность критики Маркса Уикстидом принадлежит М. Уайту. Однако его претензии касаются скорее расстановки акцентов, чем содержательных аспектов анализа Уикстида [White, 2018].

в неуклюжих дистинкциях между потребительной ценностью, меновой ценностью, трудовой ценностью, ценой спроса, ценой предложения и прочими путанными понятиями того времени» [Show, 1926, 275]. На одной из своих книг, подаренных Уикстиду, Шоу сделал знаменательную надпись: «Моему отцу в экономической теории» [Steedman, 1989, 130]. Его оценка Маркса-экономиста упала так низко, что однажды он даже включил его — вместе с Г. Джорджем и Дж. Рёскиным — в тройку «дилетантов-пропагандистов от политической экономики» [цит. по: De Vivo, 1987, 43].

Вслед за Шоу все остальные члены Фабианского общества, многие из которых, как и он, посещали Экономический клуб и слушали лекции Уикстида, также начали отказываться от трудовой теории ценности Маркса, убедившись после дискуссии на страницах «То-Дау», что именно теория предельной полезности (правда, скорее в версии Маршалла, чем Джевонса) представляет передний край современной экономической науки. Значение этого поворота трудно переоценить: понадобилось всего несколько лет, чтобы доминирующее социалистическое течение Британии перестало быть марксистским.

Уикстид был хорошо знаком со всеми ведущими фабианцами и внимательно следил за эволюцией их взглядов. В рецензии на сборник их программных статей «Фабианские очерки» [Fabian Essays, 1889] он приветствовал их разрыв с марксизмом: «“Фабианцы” внимательно изучали политическую экономию, отсюда их решительный и бесповоротный отказ от системы Карла Маркса. Отныне “Das Kapital” уже не социалистическая Библия <...> В ключевом пункте теории ценности фабианцы предстают де-факто как чистые “джевонсианцы”» [Wicksteed, 1890, 530]. В его глазах это означало, что социалистов «фабианского толка следует считать соратниками экономистов новой школы» [Ibid., 531]. При этом Уикстид прекрасно сознавал, что немалая заслуга в отказе значительной части британских интеллектуалов от марксизма (во всяком случае — в его «догматической» версии) принадлежит ему. В той же рецензии на «Фабианские очерки» он с удовлетворением констатировал: «Паучья схоластика [Маркса] оказалась сметена, а его теория “прибавочной ценности” отправлена на свалку, где находятся останки всех и всяческих мифологий» [Ibid.]²⁸.

²⁸ Подробнее об экономических взглядах фабианцев см.: [Stigler, 1959].

Исторические круги, разошедшиеся от такого, на первый взгляд, незначительного события как публикация в малоизвестном журнале небольшого текста малоизвестного автора, оказались беспрецедентно широкими. Во многом именно благодаря усилиям Уикстида фабианцы отrekliсь от «догматического» марксизма и разработали собственную альтернативную версию социализма. Это остановило победное шествие марксистских идей в Великобритании и послужило одной из главных причин, почему на британской почве марксизм так и не прижился и не получил такого же широкого распространения, как в странах континентальной Европы, оставшись достаточно маргинальным явлением. С точки зрения истории идей важнейшим практическим результатом первого столкновения марксизма и маржинализма, по-видимому, нужно считать то, что британский социализм (в основной его части) раз и навсегда перестал быть марксистским.

Но и это еще не все. Пример фабианцев, радикально пересмотревших под влиянием критики Уикстида свои взгляды, оказался заразительным: стало ясно, что вполне возможно считать себя социалистом (или даже марксистом), полностью отвергая марксистские экономические идеи или сочетая их с маржиналистскими. Как мы знаем, именно по этому пути вскоре пошло движение, известное как «ревизионизм».

Его родоначальник немецкий социалист Э. Бернштейн (1850—1932) жил в ссылке в Лондоне с 1888 по 1901 год, то есть в тот критический период, когда левые интеллектуалы Великобритании активно обсуждали дилемму «марксизм versus маржинализм». Хотя позднее Бернштейн отрицал существование у него каких-либо тесных личных или идейных связей с фабианцами, он, несомненно, внимательно следил за дискуссиями, которые шли в то время среди местных социалистов, и поэтому не мог не знать о критике Уикстида [Steedman, 1989]. Вслед за фабианцами Бернштейн учитывал в своей «ревизованной» версии марксизма достижения теории предельной полезности, именуя ее разработчиков «изобретательными людьми». При этом он не отбрасывал марксистский подход полностью. Подобно некоторым фабианцам, он пытался примирить его с маржинализмом, заявляя, что экономическая ценность всегда «андрогинна», поскольку содержит в себе элементы как полезности (потребительной ценности, спроса), так и издержек производства (рабочей силы). Он полагал также, что марксистские концепции трудовой ценности и прибавочной ценно-

сти логически никак не связаны: эксплуатация — это очевидный эмпирический факт, существующий независимо от того, признается ли трудовая теория ценности Маркса ошибочной или нет [Steedman, 1989, 142]. Эклектичную позицию в вопросе о теории ценности, занятую вслед за фабианцами Бернштейном, можно считать отправным пунктом всего его проекта по «ревизии» марксизма [Бернштейн, 2015].

По-видимому, не будет сильным преувеличением сказать, что публикация критического очерка Уикстида о «Капитале» К. Маркса сильно поспособствовала наступлению в марксистском социализме эпохи разброда и шатаний, которая раз начавшись, затем уже никогда не кончалась.

* * *

В общем случае критика любой экономической доктрины может быть адресована двум очень разным аудиториям.

Во-первых, сообществу профессиональных экономистов. Здесь усилиями Ф. Уикстида, а еще больше О. Бём-Баверка [Бём-Баверк, 2009] и В. Парето [Pareto, 1902], марксистская теория была оттеснена за границы академической экономической науки и оказалась вынуждена владеть существование в виде гетеродоксальной школы, малоинтересной для профессионалов. Уже к концу XIX века среди ведущих экономистов сложилось твердое убеждение в ничтожной научной ценности экономических идей Маркса. Так, в «Принципах» А. Маршалла Маркс упоминается считанное число раз и всегда в однозначно негативном контексте [Hobsbawm, 1957, 38]. Г. Сиджвик обнаруживал в трудах Маркса «полнейшую неразбериху, на изучение которой, я думаю, английскому читателю едва ли стоит тратить время, поскольку даже наиболее разумные и влиятельные из английских социалистов стараются сейчас держаться от него подальше» [Sidgwick, 1895, 343]. Столь же нелюбезен был Ф. Эджворт (первый редактор «Economic Journal»): «Мы с большой симпатией относимся ко всем тем, кто считает, что теории Маркса совершенно не достойны внимания серьезного ученого» [Edgeworth, 1921, 71]. В. Парето в одном из писем к М. Панталеони также отмечал, что «значение Маркса <...> как экономиста само по себе ничтожно и связано только с тем, что за ним стоят все эти социалисты», так как он служит «руководством (textbook) для почти всех их школ»: по этой и только по этой

причине «важно объяснять, где и каким образом <...> он впадал в ошибки» [Mornati, 2018, 221]. Эхом подобных оценок можно считать признание Дж. М. Кейнса, сделанное им в 1935 году в письме к Б. Шоу: «Я уверен, что <...> экономическая ценность [«Капитала»] равна нулю» [Скидельски, 2005, т. 2, 108]²⁹.

Во-вторых, если говорить о марксизме, то адресатом его критики могут выступать сами социалисты или, в более общих терминах, интеллектуалы из левого политического лагеря. В первую очередь именно их имел в виду Уикстид, когда писал свою статью, и именно они оказались ее главными читателями. (По аналогии здесь можно вспомнить посвящение, которое Ф. Хайек предпослал своей «Дороге к рабству», — «Социалистам всех партий» [Хайек, 2005].) Первая встреча маржинализма с марксизмом закончилась полной победой Уикстида, и это было признано обеими сторонами. Можно сказать, что он нанес поражение марксизму в сфере, где тот всегда был особенно успешен и где ему чаще всего удавалось обходить любых конкурентов: речь идет об индоктринировании сознания образованных классов общества, а если говорить более конкретно — о формировании картины мира левоориентированной интеллигенции.

Литература

Бернштейн Э. (2015). Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М.: Либроком.

Бём-Баверк О. (2009). Теории эксплуатации / Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. Капитал и процент. Т. 1. М.: Эксмо. С. 601–704.

Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 23.

Маркс К. (1962). Капитал. Т. 3 / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2.

Скидельски Р. (2005). Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946. М.: Московская школа политических исследований. Т. 1–2.

²⁹ Единственным исключением среди экономистов первой величины той эпохи был Й. Шумпетер [Schumpeter, 1954], ставивший Маркса исключительно высоко. Но он, как хорошо известно, всегда получал удовольствие от того, чтобы идти против общего мнения, действуя по принципу *épater la bourgeoisie*.

- Хайек Ф.* (1992). Пагубная самонадеянность. М.: Изд-во «Новости».
- Хайек Ф.* (2005). Дорога к рабству. М.: Новое издательство.
- Энгельс Ф.* (1955). Принципы коммунизма / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 4. С. 322–339.
- Энгельс Ф.* (1964). Письма Эдуарду Бернштейну, 13–15 сентября 1884 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 36. С. 177–179.
- Barker Ch. A.* (1955). Henry George. N. Y.: Oxford University Press.
- De Vivo G.* (1987). Marx, Jevons, and Early Fabian Socialism // Political Economy. Studies in the Surplus Approach. Vol. 3. No. 1. P. 37–61.
- Dorfman J.* (1949). The Economic Mind in American Civilization. Vol. 3. 1865–1918. N. Y.: Viking.
- Edgeworth F. Y.* (1921). Untitled Review of “The Revival of Marxism” by J.S. Nicholson; “Karl Marx” by A. Loria // Economic Journal. Vol. 31. No. 121. P. 71–73.
- Ellis R. W.* (ed.). (1930). Bernard Shaw and Karl Marx. A Symposium, 1884–1889. N. Y.: Random House.
- Fabian Essays in Socialism. (1889). / B. Shaw (ed.). N. Y.: Humboldt Publishing Co.
- Flatau P.* (2004). Jevons’s One Great Disciple: Wicksteed and the Jevonian Revolution in the Second Generation // History of Economics Review. Vol. 40. No. 1. P. 69–107.
- George H.* (1879). Progress and Poverty. An Inquiry into the Cause of Industrial Depressions, and of Increase of Want with Increase of Wealth – The Remedy. L.: Kegan, Paul, Trench.
- Hobsbawm E. J.* (1957). Dr. Marx and the Victorian Critics // New Reasoner. No. 1. P. 29–38. P. 37.
- Howey R. S.* (1960). The Rise of the Marginal Utility School, 1870–1889. Lawrence: University of Kansas Press.
- Hutchison T. W.* (1953). A Review of Economic Doctrines, 1870–1929. Oxford: Clarendon Press.
- Jevons W. S.* (1879). The Theory of Political Economy. 2nd ed. L.: Macmillan.
- Kirzner I. M.* (1999). Philip Wicksteed: The British Austrian / 15 Great Austrian Economists / R. G. Holcombe (ed.). Auburn: The Ludwig von Mises Institute. P. 101–112.
- Mornati F.* (2018). Vilfredo Pareto: An Intellectual Biography. L.: Palgrave Macmillan. Vol. 1. P. 221.
- Pareto V.* (1902). Les systèmes socialistes. P.: Giard & E. Brière. Vol. 1–2.

Robbins L. (1970). Philip Wicksteed as an Economist // Robbins L. The Evolution of Modern Economic Theory. P. 189–209.

Robinson J. V. (1934). Euler's Theorem and the Problem of Distribution // Economic Journal. Vol. 44. No. 175. P. 398–414.

Schumpeter J. A. (1954). History of Economic Analysis. N. Y.: Oxford University Press. P. 831.

Shaw G. B. (1885). The Jevonian Critique of Marx // To-Day. Vol. III. January. P. 22–6.

Show B. (1926). On the History of Fabian Economics / Pease E. R. History of the Fabian Society. N. Y.: International Publishers. Appendix IV.

Sidgwick H. (1895). // Economic Journal. Vol. 5. No. 19. P. 336–346. P. 343.

Steedman I. (1989). P. H. Wicksteed's Jevonian Critique of Marx // Steedman I. From Exploitation to Altruism. Oxford: Blackwell. P. 117–144.

Stigler G. J. (1941). Production and Distribution Theories: The Formative Period. N. Y.: Macmillan.

Stigler G. J. (1959). Bernard Shaw, Sidney Webb and the Theory of Fabian Socialism // Proceedings of American Philosophical Society. Vol. 103. No. 3. P. 469–475.

Sweezy P. M. (1949). Fabian Political Economy // Journal of Political Economy. Vol. 57. No. 3. P. 242–248. P. 244.

White M. V. (2018). Searching for New Jerusalems: P.H. Wicksteed's "Jevonian" Critique of Marx's "*Capital*" // The European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 25. No. 5. P. 1113–1153.

Wicksteed Ph. H. (1882). "Progress and Poverty" // Inquirer. 30 December. P. 839–840.

Wicksteed Ph. H. (1883). "Progress and Poverty". Letter to the Editor // Inquirer. June 23. P. 389–390.

Wicksteed Ph. H. (1884). "Das Kapital": a Criticism // To-Day. Vol. 2. No. 4. P. 388–409.

Wicksteed Ph. H. (1885). The Jevonian Criticism of Marx: a Rejoinder // To-Day. Vol. 3. No. 2. P. 177–179.

Wicksteed Ph. H. (1888). The Alphabet of Economic Science. Part 1. Elements of the Theory of Value or Worth. L.: Macmillan.

Wicksteed Ph. H. (1890). "Fabian Essays in Socialism" // Inquirer. 16 August. P. 530–531.

Wicksteed Ph. H. (1894). The Co-ordination of the Laws of Distribution. L.: Macmillan & Company.

Wicksteed Ph. H. (1905). Jevons's Economic Work // *Economic Journal*. Vol. 15. No. 59. P. 432–436.

Wicksteed Ph. H. (1910). *The Common Sense of Political Economy* / Wicksteed P. H. (1933). *The Common Sense of Political Economy and Selected Papers and Reviews on Economic Theory* / L. Robbins (ed.). Vol. 2. L.: Routledge and Kegan Paul.

Wicksteed Ph. H. (1914). The Scope and Method of Political Economy in the Light of the “Marginal” Theory of Value and of Distribution // *Economic Journal*. Vol. 24. No. 93. P. 1–23.

Kapeliushnikov, R. I.

Marginalism and Marxism: the First Encounter [Text] : Working paper WP3/2021/01 / R. I. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2021. — 52 p. — (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). — 55 copies. (In Russian)

The paper discusses a critical episode in the history of economic thought of the 19th century — the first encounter between marginalism and Marxism. It happened in 1884, when Philip Wicksteed (1844–1927) published a short twenty-page text in the magazine of “scientific” socialism “To-Day” under the laconic title “Das Kapital: a Criticism”. The paper briefly traces the creative path of Wicksteed; considers the reasons that prompted him to make a stand against Marxism; analyses his main points of his criticisms describes the reaction to it by his contemporaries (both professional economists and adherents of socialism) and evaluates its place in the history of ideas. It is noted that Wicksteed’s article was not only the first encounter of marginalism with Marxism, but also the first popular exposition of the theory of marginal utility (in the version of S. Jevons), which was completely new for that time. His criticism was radical in nature, since it was aimed not at revealing any partial shortcomings, but at the complete collapse of the Marxist construction with its replacement with an alternative theoretical scheme. Wicksteed’s conclusions are unequivocal: 1) Marxist theory fails to provide a satisfactory explanation of the phenomenon of relative prices; 2) its interpretation of the value of labor power is inconsistent and internally contradictory; 3) its idea of “surplus value” is devoid of a scientific basis. Amazingly, none of Marx’s supporters dared to accept Wicksteed’s challenge and his criticism was never publicly contested by them. Historical circles that diverged from this seemingly inconspicuous event turned out to be unprecedentedly wide. Under the influence of Wicksteed, the Fabians rejected the labor theory of value and British socialism (in its main part) ceased to be Marxist forever. In a broader perspective, his criticism prepared the ground for the emergence of “revisionism” — a movement within Marxism that rejected the most fundamental economic ideas of Karl Marx.

Препринт WP3/2021/01
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

Маржинализм и марксизм: первая встреча

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 55 экз. Уч.-изд. л. 2,8.
Усл. печ. л. 3,1. Заказ № . Изд. № 2333

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»